

"Эффект отражения (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Евгения Федорова

Эффект отражения

Глава 1. Сказочка

Выйдя из здания института, Павел остановился, подняв воротник не по погоде легкой куртки. Передернул плечами. Это был промозглый вечер середины марта, на улице уже совершенно стемнело и только тускло, как-то утомленно, горели фонари. С неба заморосил мелкий, противный дождик, еще помнящий холод зимних снегопадов, от чего воздух превратился в мутную, ледяную дымку. Ветра не было, и голые кроны деревьев уродливо вонзались в низкие проржавевшие с зимы облака.

Зазвонил телефон. Опять о загулявшем аспиранте волновалась мать, хотя прекрасно знала, что сын задерживается лишь по делу.

— Буду через час, — сказал Павел в трубку и тут же ее отключился. Экономия — мать достатка.

Охлопав себя по карманам, аспирант достал простой стальной портсигар, долго искал в одежде зажигалку.

Дверь за его спиной отворилась, и на крыльцо вышел знакомый программист Николай, вечно раздраженный, вечно с красными глазами.

— Ну и погода нынче, — проворчал он, выдергивая из рук Павла сигарету, которую тот достал. — И день с самого утра у меня не задался...

Как обычно, — усмехнулся про себя Павел.

— Тащил лестницу, — закурив, принялся рассказывать Коля, — хотел провода переключить в холле. Задел плафон (и что за тупица придумал повесить там лампы на проводах, вместо панелей дневного света!). Разбилось, как рухнет на меня сверху! Всю голову осколками посеколо, чуть не убило вовсе. Я стою, ржу, а у меня по лицу кровь течет. А тут девчонка какая-то дура подвернулась, испугалась и как завизжит!

— Ну и успокоил бы ее, — скривился Павел. — Девчонки любят браваду...

— Думаешь, это все? — фыркнул Коля. — Представляешь, мой придурок Сашка — из студентов ведь подмогу набираем из-за недостатка финансирования — не тот сервер перезагрузил. У людей недельные расчеты по моделям обнулились, мне выговор, а ему что? Неуд?

Коля раздраженно затащился так, что уголек мигом добежал до фильтра.

— А сам ты что такой замученный, весь день чашку Петри пытал?

— Смешно, — равнодушно отозвался Павел. — В электронный микроскоп нагяделся, хромосомы считал.

— Тебе, может, программку какую написать? — великодушно предложил программист.

— Лучше работа для меня собери, пусть препараты изучает, а я лавры буду пожинать. Знаешь, когда произношу эту фразу, представляется мне овца, медленно жующая ветку лаврового дерева. Работаешь, работаешь, в лепешку разбиваешься, науку двигаешь, а тебе ветку в зубы и

жуй, что дали...

Ладно, пойду я...

— Опять через парк потопаешь? — нахмурился программист.

— Да ладно вам всем трусить-то? Предвзвездками земля полнится! Месяц назад якобы бабу ограбили, а вы до сих пор в обход бегаєте что ли? Во даєте!

— Мало ли что, — пожал плечами Коля. — Береженого Бог бережет. Ну, бывай.

Отшвырнув окурок, рассыпавшийся по асфальту яркими оранжевыми искрами, программист сбежал по ступенькам и быстро пошел к автобусной остановке. Павел еще постоял, докуривая, и сунув руки в карманы, выдыхал уголком рта дым и пытался прийти в себя. Потом медленно побрел к деревьям, покрытым мутными дождевыми каплями. Он прищурил глаза, давая им отдых и чувствуя, как тяжелое давление на виски медленно отступает.

На улицах никого не было, все куда-то попрятались, хотя в это время обычно часто встречались группки попивающих пиво студентов. Обычно за кустами на лавочках сидит молодежь, то и дело раздаются взрывы хохота.

Павел прошел через ворота парка и остановился, прислушиваясь. Ничего. Ему вдруг показалось, что Москва разом вымерла, но нет. Тявкает где-то в отдалении собачонка, слышны повизгивания далекой сигнализации.

Морось как-то сама собой закончилась, некоторое время в воздухе висело тревожное ожидание и Павел, часто оглядываясь, почему-то ускорил шаг. Его тень, рожденная редкими фонарями, то удлинялась, то становилась короткой и густой, а то вдруг раздваивалась, и тогда Павел ловил себя на мысли, что думает об этой тени, как о преследователе. Он боится того, что может произойти, но он готов.

— Тьфу ты, — проворчал юноша, — точно перетрудился. Всякая чушь в голову лезет...

Паша остановился, положил на мокрую скамейку полиэтиленовый пакет с бумагами и присел. Надо было еще покурить, не стоит заявляться домой таким нервным, что подумает мать?

В виске родилась неожиданная боль, и Павел поднял руку, коснувшись лба. Вспомнились слова отца:

— Инженером надо быть, инженером! Вот работа для настоящего мужчины. А что твоя генетика? Она лишит тебя зрения!

Только головных болей мне и не хватало, — невесело подумал Павел.

Густой сигаретный дым в ночном влажном воздухе казался клубами, поднимающимися с пожарища.

В конце аллеи показалась одинокая сторбленная фигура. Она едва ковыляла, опираясь на палку и таща авоську, так что Павел хорошо успел разглядеть приближающееся чудовище. Старушке было уже лет сто, наверное, годы согнули ее пополам и взгромоздились на спине уродливым горбом. Как боги Олимпа, годы правили каждым ее движением. На карге было шерстяное, потрепанное пальтишко и огромные, пятидесятого размера галоши, которые были ей безнадежно велики. От того старуха шла очень медленно, шаркая, чтобы не потерять

безразмерную обувь.

Доковыляв до скамейки, где сидел Павел, бабулька остановилась, потопталась на месте и вдруг прошамкала беззубым ртом:

— Подай нищенке, сынок.

При этом старуха так и не взглянула на юношу, продолжая вглядываться в зеркальные лужи под ногами.

— Ты иди, старая, — сказал грубовато Павел. — Нет у меня ничего для тебя.

— Поди, в церковь даже не ходишь, — проворчала карга, махнув перед лицом Павла тяжелой авоськой. — Накажет тебя Бог, накажет. Отымет все, даст другое! Как у меня. А я знаешь как сладкое люблю? Страсть просто! Девкой была, так сдобу любила. И булки и пряники! И пирожки с джемом...

Павел встал, полный раздражения, перепрыгнул через заборчик и, чавкая по грязи, заторопился напрямик между деревьями. Только полоумную бабку выслушивать еще и не хватало!

Паша неосознанно не любил стариков. Он не мог бы твердо сказать, из-за чего он так сторонится их. Он мог бы предположить, что виной тому обычно неспособность стариков держать свои воспоминания при себе, но это было не так. Ну что с того, что они частенько что-то бормочут? Ну и пусть, тут дело было совсем в другом.

Наверное, — думал Павел, обходя кажущийся мертвым ствол дуба, — тут дело в увядании. От них веет все приближающейся могилой, они черпают из молодых жизнь, как припадает жаждущий к роднику. Не даром считается, что когда старики живут вместе с молодыми, их жизнь гораздо дольше.

Наступив в незаметную в темноте грязную лужу, Павел промок. Вот и еще сюрприз! Домой дойду — придется отмываться! А то и джинсы придется отстирывать, небось, до колен заляпал!

— Отбегался! — Сказал внезапно кто-то, выступая из-за дерева прямо перед Павлом.

А потом что-то сухо треснуло, юношу словно гирей в грудь ударило и он упал навзничь, теряя сознание. Последнее, о чем он успел подумать, было: куртку тоже испачкаю...

Что-то неприятно потерлось о щеку, зашипало, зачесалось в носу и Павел, подняв руку, остервенело принялся тереть лицо. Тяжело на пол спрыгнул кот.

Юноша приподнялся на локте и тут же схватился за грудь — ее пронзила острая боль. Впрочем, если не шевелиться, она мигом утихала.

Павел лежал на протертой до пружин, ни чем не покрытой тахте в комнате, где даже с книжных полок следили за ним внимательные, разноцветные, кажущиеся стеклянными глаза. Полтора десятка кошек, рассеявшись кто где, чувствовали себя здесь полноправными хозяевами. И им не нравился новый гость. Рыжие, черные и белые, двухцветные и в пятнах, в полоску и разводах, они переминались с лапы на лапу, шипели, помуркивали, вперив в чужака пристальные взгляды. В нос бил жуткий, стойкий запах кошачьей мочи. На всей мебели, на всех поверхностях лежали клочья выпавшей разноцветной шерсти.

— А что ты там сказал про Кима, Сксовски? Разве он не простой болтливый мальчишка — протеже Гордена?

Патрик пожевал губами, словно раздумывая, говорить ли правду, загадочно улыбнулся.

— Стыдно не знать, Элизабет, при твоём то положении. Ким не простой. Совсем даже наоборот. Он сложен даже для меня. Мы знакомы с ним наверное года с шестисотого, да, когда-то тогда я впервые встретил его. Он заявился пьяным на мой чудный философский вечер, где собралось два десятка вождедеющих философа дам... Что и говорить, он увел их всех. Почти. Испортил мне хорошую ночь, черт бы его подрал! Как обычно — улыбчивый и несносный. Девки к нему так и липли!

— Но как же... — начала Белла и запнулась.

— Конечно, оказался Ким человеком незаурядным. Мое предложение о бессмертии отверг сразу, не требуя, как другие, подробностей. «Мне нечем расплатиться за это, — сказал он, — даже если ценой будет один грош».

Он смеялся, что все зеркала мира на его стороне и будут вечно отражать его молодым. Я воспринимал эти слова как шутку конечно. При такой незыблемой позиции, нашему другу Кранцу было бы несомненно полезно поговорить с Кимом, вот уж кто понял бы и принял его принципы. Вот незадача, Ким пропал... То ли его скушала чертова свора, то ли он попался Льву.

— Патрик, а какие факты о Киме тебе известны? — спросил Горден.

— Может, тебе лучше узнать у него самого? — отрезал старик.

— Как ты заметил, его здесь нет и, скорее всего, он попал в плен, — парировал Горден.

— Ну хорошо, — сдался Сиковски. — Наверняка я знаю, что зеркала ему не изготовлял. Кроме того, он везде сует свой нос и ненавидит Черного Льва. Видимо, из-за несовпадения идеалов.

Сиковски уставился на Гордена, и тот глубоко кивнул.

— Ладно, — покладисто продолжал старик. — Я кое что конечно разузнал о нем, но вряд ли вам это понравится. Он числился в пресвятой Инквизиции, много ездил по странам, искал ведьм и колдунов, норовил поговорить с ними наперед других. Я верю, он собрал гигантский арсенал знаний. Вскоре его заподозрили, обвинили в причастности и сношении с ведьмой, упекли в каземат. Пытали. Переломали всего. Я видел Кима после, ума не приложу, как он выжил, не знаю, за какую заслугу его в результате отпустили. Он долго отходил, но репутация его осталась чистой. Он все стерпел.

Но вообще, господа, человека обсуждать в его отсутствии не очень-то и этично, так что я закруглился. Ничего, что хотел бы вам рассказать, не осталось, так что давайте обсудим дела насущные.

— Нужно сделать мне Зеркало никого не убивая, — уверенно сказал Павел. — Из ничего. Это решит все наши проблемы. То есть мои проблемы...

— Как это «из ничего», поясни, пожалуйста, — казалось, Сиковски всерьез заинтересовался этой идеей.

— Смысл Зеркала, ну, так я его понимаю, в отражении! — с жаром принялся рассказывать

Павел. — Это бутафория! Мне нужно сделать двойника из воздуха, из дыма, иллюзию, что угодно. Придать ему умение отражать. Так, чтобы ваш Лев уверился — Горден заказал мне Зеркало. Тогда он отстанет. Чтобы все плохое отражалось на врага, а если бьешь, бьешь и разобьешь — ничего и не было. Мираж.

— А я бы, пожалуй, смог сделать защитный дубль для себя, — задумчиво сказал старик. — Выставлять его вперед. И, наверное, неопытный глаз, не зная, что нужно искать, не заметит подмены. Может быть, но ты, Кранц... вряд ли тебе по силам подобное. Вот Ким сможет, без сомнений, а ты...

— Я бы подумал немного, парень сам не понимает, что предложил, но мы то!

— Вот именно, — передразнила Белла. — Мы то! Есть большая разница, между предложением Кранца и Зеркалами. За Зеркало ты заплатил и получаешь товар. Довесок к жизни, прибавку к силе, страховку от смерти. А то, что предлагает Павел — трата. Ты собираешь свои силы и создаешь что-то, оно может тебя защитить, но если не выдержит, если сломается, то ты останешься не защищен. Удар обрушится на тебя и ты умрешь! Призраки никогда не могут заменить материальное!

Павел огорченно вздохнул. Сиковски прав, для него все это только слова.

Тем временем из-под стола вылезла совершенно невозможно лохматая такса со спутанной, какой-то серой шерстью, и быстро засемила по полу, обежала кресло и юркнула под диван.

— Горден, ты хоть кормишь свою собаку? — брезгливо спросил Павел.

— Собаку? — вроде бы удивился хозяин квартиры. Сощурившись, он поглядел на диван.

Взяв кусок колбасы, Павел встал на корточки и заглянул в узкую щель.

— Не бойся, — сказал он, помахивая колбасой, — иди сюда.

Но из-под дивана глянуло на него два круглых, пронизанных сеткой полопавшихся сосудов, глаза. Охнув от испуга, Павел отшатнулся, упал на бок и схватился за раненое плечо, которое от неосторожного движения предупреждающе стрельнуло болью.

Горден и Белла засмеялись, Патрик наоборот неодобрительно покачал головой и помог Кранцу подняться.

— Святослав Дмитриевич, — с укором сказал он, — ну что вы тут развели за кавардак?! Неприятно даже, честное слово!

— Ну примите мои извинения, Патрик, — пожал плечами Горден. — В домах, где гостит много разных людей, всегда так. За каждым кто-то приходит, а уходить торопятся не все.

— Можно и почистить, да кого я учу! — примирительно развел руками Сиковски.

— Мне они нисколько не мешают, с ними веселее как-то, — было видно, что крестный с трудом сдерживает улыбку.

— Дурная какая-то манера, — Патрик совсем сник.

— В чужом монастыре со своим уставом не выживают, — Белла встала. — А давайте все обедать? А то мне скоро отбывать! Чувствуете, как нежно запахло бараньей ногой? Да, я

решила побаловать Гордена нормальной пищей, а не какими-то полуфабрикатами. Пицца и бутерброды — это пошло.

— А что это было? — придя, наконец, в себя, спросил Павел.

Переглянувшись, Белла, Горден и Патрик тихо засмеялись.

Глава 4. Дубль раз

Еда была просто дивной. Белла запекла баранью ногу и сварила сладкий тыквенный суп, от которого шел дурмящий беловатый парок. Как из трубы крематория.

Говорили мало, Павел не участвовал в разговорах и почти не слушал, о чем говорят. Его обуревало отчаяние.

После обеда все разбрелись по огромной квартире Гордена, сам хозяин, сославшись на усталость, ушел в спальню. Павлу показалось, или он стал меньше хромать? В любом случае, после еды его крестный стал выглядеть получше. Может, и сам он быстрехонько поправиться? Что там сказала Белла про них с Горденом? Якобы крестный забрал его раны себе? Его боль и его смерть... и жизнь. Какие-то путанные слова, не проясняющие для Павла картину.

Павел бродил по комнатам, казавшимся бесконечными, и ему начинало чудиться, что он не в квартире, занявшей, должно быть, целый этаж, а в замке, отделанном со вкусом, но совершенно разными людьми. В замке на скале, в котором поработало два десятка сумасшедших разномастных дизайнеров. Маленькие девочки с очень хорошим, взращенным в институте дизайна вкусом создавали ему классические интерьеры спален; бородатые мужчины с горящими глазами отделывали потолки деревянными балками и ставили грубоватую мебель гостиных. Пареньки в очках тащили мягкие кресла и облицовывали камин зеленым змеевиком.

Пожилые тетки, уверенно носящие пышные юбки и высокие прически, расставляли на шкафах и трюмо позолоченные вазы и кубки, словно желая выставить напоказ безвкусное богатство.

Картины классические, мистические, сюрреалистические, портреты, пейзажи и натюрморты облепили все свободное место на стенах, словно рассеявшиеся на сотах пчелы. От этих картин, смешавшихся в водоворот изображений, рябило в глазах.

Никому не нужен такой дом, — думал Павел, вглядываясь в огромный, во всю стену плазменный телевизор. — Тут — техно, здесь — венецианский стиль, тут еще что-то, отдаленно напоминающее архитектуру древности. Нагромождение панелей под камень и арки с барельефом. Это не комнаты, это целые дома. Кажется, каждый найдет себе здесь комнату по вкусу, но все вместе представляет из себя чудовищный коктейль, призванный низвергнуть человека в ад. Нет перехода от одного к другому, и разум чахнет, подавленный несоответствием.

Павел вспомнил свои грубые попытки переломить ситуацию. Свою нахальность, когда он обращался к Гордену с вопросом: откуда такая квартира.

Он соврал.

Он не хотел бы иметь ничего подобного. И дело было вовсе не в том, что по нынешним меркам цен эти апартаменты стоили сумасшедших денег. Нет, деньги тут были совершенно ни при чем. Как и любой молодой человек его возраста, Павел мечтал стать богатым и знаменитым,

но, видя это богатство вблизи, тут же отказывался. Не такое. Вот домик на рублевке, это да! — думал он. — Уютный, аккуратный, среди сосен.

Никто не мешал ему идеализировать. В его понимании достаток был другим.

А вот еще один шедевр, на этот раз наиболее привычного, перестроечного времени. Кому взбрело в голову вплести в этот калейдоскоп вычурности убогое детище своего времени? Здесь даже пахло так, как было привычно Павлу: ДСП, книжной пылью с забранных покосившимся стеклами книжных полок; застарелым поролоном, которым набиты сплюснутые до досок стулья. Здесь пахло синтетическим покрывалом и табуретками с отвинчивающимися деревянными ножками.

Сев на диван, привычно скрипнувший пружинами, Павел подумал о том, что хочет задать Гордену один единственный вопрос: нужно ли тебе все это для жизни? Все эти вазы и телевизоры, бильярдные столы и картины. Или ты все это сделал для своих гостей, а сам живешь тут как радушный хозяин некоей домашней гостиницы?

От этих мыслей у Павла разболелась голова, в комнате царил тишина — все растерялись по разным комнатам, и Кранц подумал, что квартира и эти удасные интерьеры попросту съели своих постояльцев. И этот диван, на котором он сейчас сидит, вот-вот съест его, поглотит и сопроводит туда, где сны плетут причудливые узоры.

Он вздохнул, оттолкнул в сторону тапочки, улегся поудобнее, и задремал, стараясь угреть занывшее плечо.

Павел проспал весь оставшийся день тяжелым сном раненого человека, просыпался, но, не в силах проснуться окончательно, засыпал снова. Лишь с наступлением ночи он поднялся, вялый, не отдохнувший, совершенно измученный. Хотелось принять какой-нибудь анальгетик, чтобы тяжелую голову отпустили тиски болезни. Теперь Павел вспомнил, что все это время ему снились кошмары.

В него стреляли, и он хрипел, задыхаясь от жуткой боли, захлебывался собственной кровью, и все глотал ее, черную, густую, выливающуюся изо рта обратно. А он все глотал, пытаясь затолкать ее назад.

Ему снилась белая кошка, которая своей мягкой лапкой водила у него за ухом, скребла, чесала, словно хотела докопаться до его черепной коробки, вскрыть ее и проникнуть внутрь.

Павел отмахивался от кошки и бежал прочь, проходил сквозь стены и застревал в них, не мог вырваться и кричал. Люди ходили вокруг него и укоризненно качали головами.

«Плохое произведение искусства, — говорили они. — Невыразительно и безвкусно. Куда смотрят критики, о чем думал автор?»

Павел, пошатываясь, обошел диван и, сдвинув в сторону корявое Алоэ, взгляделся в темноту за окном. Окна выходили на другую сторону и ТЭЦ отсюда была не видна. Зато сверкало желтыми огнями ожерелье какой-то оживленной дороги, уходило сначала вниз, потом поднималось вверх, делая изящный поворот. Павел прислонился лбом к прохладной поверхности стекла и с облегчением вздохнул. Все это были только сны. Глупые, ничего не значащие сны напичканного впечатлениями сознания.

Бесшумно ступая босыми ногами по прохладному паркету, Павел вышел в коридор и огляделся. Везде было темно, все (если кто-то и был в этой гигантской квартире) спали. Тогда

Павел побрел в сторону ванной, но, дойдя до кухни, замер. Из глубины квартиры, налетевший со спины, почудился Кранцу чей-то зловещий шепоток. Вся спина мигом пошла холодным потом, по коже пробежали мурашки. Павел оглянулся, тщетно всматриваясь в темноту, разрушаемую падающими через дверные проемы более светлыми тенями, но никого не увидел.

Почудится же такое, — подумал юноша, вздохнув. — Не мудрено после всего произошедшего. Нет, ничего в этом удивительного нет.

С кухни летело мерное тиканье часов. Его знакомый, ровный ход успокоил.

Секунды, — думал Павел. — С такими вот часами в ночной темноте они становятся осязаемыми. Они кажутся каплями, падающими на ладонь. Кап-кап, тик-тик.

Так проходит наша жизнь, мерно, ровно вычитаются из нашего срока секунды, неумолимо, безостановочно. Мы не слышим их, и тянем все с чем-то, растрачиваемся зря, ноим, спим, едим, забывая сказать и сделать главное.

Ведь надо же позвонить матери!

Он взялся за ручку и открыл дверь в ванную комнату, но свет зажигать не стал, чтобы не тревожить глаза. Ему не хотелось света, ему не хотелось моргать, щуриться, не хотелось, чтобы головная боль, отошедшая в заднюю часть черепа неприятной тяжестью, вспыхнула с новой силой...

Гулко ударили в чугунную лохань упругие струи воды, Павел от неожиданности попятился, ничего не видя в темноте, наступил на что-то мягкое, отчаянно завизжавшее под его босой ногой, шарахнулся в сторону, сбивая с полки какие-то флаконы и тюбики, с грохотом и звоном полетевшие в разные стороны. Потерял равновесие и схватился за махровый халат, висящий на вешалке, который ни с того ни с сего загудел и завибрировал у него под руками...

Ярко вспыхнул свет, и Павел, рухнувший на пол, на осколки разбитого флакона зеленого одеколона, заслонился рукой от надвинувшегося чудовища. Но это был Горден.

— И что орем? — с упреком спросил он, помогая крестнику подняться с пола и, нагнувшись, оглядывая его порезанную ладонь.

Дыша, словно загнанная лошадь, Павел облокотился о раковину, потому что ноги предательски подкашивались, и через силу выдавил:

— Оно только что было тут! Воющее и мягкое. Оно меня укусило...

— Хорошо еще, что голову не оторвало, — проворчал Горден. — Я тебе! Доиграетесь здесь. Выгоню всех к чертовой бабушке!

Крестный потянулся и включил воду.

— Умывайся.

— Что? — заторможенно спросил Павел, чувствуя, как слабеют ноги, и тогда Горден, не церемонясь, взял его за шею и, надавив, сунул головой под теплую струю.

«Капля бежит — жизнь ворожит, — слышалось Павлу.

Здоровье приносит, горечь уносит.

Струйка течет — силу дает.

Усталость отнимет — солнце взойдет».

Тут Горден убрал руки, давая возможность крестнику распрямиться, и Павел, фыркнув, поднял голову. По щекам потекла вода.

— Думал, ты меня утопить решил, да мне не привыкать, — хрипло сообщил он. — Я тут десяток минут назад во сне тонул. В собственной крови.

— Это плохо, — крестный повернулся и ушел в кухню. Включил там свет и загремел посудой.

Павел взгляделся в свое отражение в зеркале. Все не так уж и плохо, да и слабость отступила, дрожь прошла. Неужели и вправду страх может сделать с человеком такое?!

Ну и ну!

Он покосился на халат, неподвижно висящий в углу. Самый обычный коричневый мужской халат. Павел на всяки случай показал ему кулак и неуверенно пригрозил, повторяя слова крестного:

— У я тебе!

Зайдя в кухню, юноша обнаружил, что крестный поставил на плиту турку и отсыпает ложками кофе.

— Что это было? — спросил он, пристально глядя на Гордена.

Совершенно другого Гордена. Без теней под глазами и бледности, не хромящего и не держащегося за бок. Его движения ни чем не были стеснены, внешне он казался совершенно здоровым.

— Все зависит от того, о чем ты сейчас спрашиваешь, — безразлично отозвался крестный.

— Вы же все вроде умеете читать мысли, — насмешливо сказал Павел. На душе было как-то... радостно? Спокойно?

— Это — Зеркало, — отвернувшись, ответил Горден. — Сначала оно помогло сохранить мне жизнь, пока я бегал за тобой, пытаюсь поймать. Потом... было нечто ужасное, о чем я не хочу сейчас говорить. Я некоторое время не прикасался к нему, чтобы укрепить. Давал ему время восстановиться. А теперь я снова в форме.

Горден повернулся в пол-оборота и поднял футболку, показывая Павлу раненый бок. На нем не было повязки, вместо страшной раны Кранц увидел запекшуюся кровью вроде бы ссадину и легкий синяк вокруг нее.

— Побаливает, конечно, словно ребро сломал, но ничего существенного.

— А на его теле твоя рана, да? — помолчав, спросил Павел.

— Часть ее, — не стал отпираться крестный. — Ну а на второй твой вопрос я отвечу так: то, что ты потрогал в ванной, было стражем. Моя маленькая охранная сигнализация что ли. Он тут конечно сам по себе, из-за него много хлопот, но я не гоню. Например, в подъезде часто

ломается лифт — он любит кататься туда сюда, но ходит очень медленно и двери частенько заклинивает. Людей пугает иногда, полтергейст недоделанный... Ко мне тут даже приходили, один экстрасенс. Соседи этажом ниже вроде как вызвали. Дядечка пришел такой серьезный, с какой-то погремущкой, чтобы духов слушать и говорит: «А ответьте мне на пару вопросов? Не снится ли вам кладбище, не мучают ли фантомные боли? А вой по ночам когда-нибудь слышали, или скрежет?» В общем, глупости всякие. Погнал я его взашей, напугал немного, каюсь, не сдержался...

— Горден, — прервал крестного Павел. — Что за стишок ты произнес?

— А я разве что-то произнес? — невинно поинтересовался Святослав и уставился на Павла. Тот задумался на мгновение, а потом продекламировал:

— Струйка течет — силу дает. Усталость отнимет — солнце взойдет

— Нет, а ты и вправду уверен, что я это говорил? — засмеялся Горден. — Вот дела! Это самый обычный заговор, не переживай. Нужно же было снять с тебя отпечаток стража, он ведь тебя укусил!

Он принялся помешивать в турке кофе, чтобы тот не убежал. По кухне распространился приятный, горьковатый аромат.

— Святослав Дмитриевич, а почему все же кличка Горден? — решив сменить тему, спросил Павел.

— Наверное, потому, что я гордый, — крестный постучал ложкой о край турки. — Вообще из-за того, что созвучно с фамилией. Гордеев. Наверное, причина в этом. Если честно, никогда не задумывался. Дали прозвище и Бог с ними.

— Веришь в Бога? — уточнил Павел. — И как он относится к колдовству и убийству?

— Думаю, неодобрительно, но пока с ним не встречусь, не узнаю, — не отреагировав на прямое оскорбление, отозвался Горден.

— Как мне выжить? — без перехода спросил Кранц. — И можно матери позвонить, она, наверное, с ума сходит, что меня нет...

— Только очнулся, сынок? — Горден уставился на крестника без улыбки. Теперь настала пора ему говорить жесткие слова. — Ты знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как ты пропал? Ты понимаешь, чтобы она перенесла, если бы я не позвонил ей сам? Давно. Еще в ту самую ночь, как нашел тебя. Сразу после того, как ты воткнул мне в бок этот чертов кухонный нож?

— И что ты ей сказал?

— Наврал с три короба, что встретил тебя у института случайно и узнал! Что зазвал в гости и, так как наступали выходные, пригласил погостить в загородном доме. А ты слегка напился и потому перезваниваю я, а не ты. Мать твоя поверила, она, как взглянула на меня впервые, с тех пор и верит мне.

Павел откашлялся, чувствуя неловкость, а потом сказал хрипло:

— Святослав?

— Ну?

— Спасибо тебе за мать. И за то, что жизнь мне спас, спасибо.

Горден, сощурившись, вглядывался в его лицо, и Павел почувствовал, как заходится краской.

— Когда я кричал, что ты мне никто и что я тебя не желаю знать, во мне говорили страх и недоверие. Я не буду извиняться, что ножом тебя пырнул... это ничего не изменит, и я бы поступил также во второй и в сотый раз. Потому что не знал, кто ты такой. Это я — никто. Я сказал столько гадких слов в обмен на все то добро, что ты для меня сделал... Я ведь знаю, что ты спас мою мать на темной дороге. И я родился благодаря тебе. И назван именем, которое ты мне дал. И да, я обижен на тебя, что, будучи моим крестным, ты ни разу даже не позвонил на мой день рождения. Я был уверен, что тебе все равно.

Павле зажал ладонью рот, потому что губы дрогнули. А он не хотел выглядеть перед крестным соплей. Ведь они только-только познакомились. По-настоящему.

— Я очень рад, — собравшись, сказал он, — что ошибся. Ты появился в тот момент, когда моя жизнь превратилась в ад, и мне почудилось, что эту часть этого жуткого спектакля накликал ты. Казалось, что ты тоже не на моей стороне, но это все по глупости. Я просто потерялся, запутался и не хочу верить в то, что все это реально. Все не должно быть так.

Горден слушал весь этот монолог внимательно, не прерывая, не забыв снять с плиты вскипевшую турку. Разлил кофе в две красивые фарфоровые чашки и поставил на стол. Достал сигареты и, присев рядом, закурил, послав Павлу через стол пачку. Кранц схватился за сигареты как за спасательный круг и закурил, стараясь не смотреть на крестного.

— Я не знаю, — поняв, что Павел закончил, заговорил Горден, — как вернуть тебе прошлую жизнь. Не в моих силах отвести от тебя беду. Я бы мог... сделать так, что ты все забудешь, но опасность не исчезнет.

— Я этого и не жду! — с жаром помотал головой Павел. — И так уже ты многое...

— Недостаточно, — сухо отрезал крестный. — Ты правильно сказал: пока не пришли настоящие проблемы, мне было на тебя наплевать. Я ни разу не поинтересовался, как у тебя дела, веря, что не нужен. У меня было слишком много своих проблем. Когда я узнал, что ты — львенок, гипотетическое Зеркало человека, которого я ненавижу, вот тогда я засуетился. И чуть не опоздал. Ты прав, за то недоразумение с убийством тебе извиняться не надо, я виноват сам. И я принимаю твою благодарность за спасение, хотя этого не заслужил. Я поступил с тобой слишком жестоко...

— О чем ты? — нахмурился Павел.

— Не сейчас, — казалось, от усталости Горден вот-вот ляжет на стол грудью, и Павел понял: что-то снова не так.

— Тебе плохо, Горден? — спросил он встревожено.

— Ты прав, крестничек, никогда нельзя перекладывать свои проблемы на чужие плечи. Отдохнули и хватит...

Павел привстал и увидел, как расплывается по футболке на боку Гордена мутное розовое пятно.

— Да что ж ты делаешь?! — он вскочил.

— А ты согласишься на мой подарок? — уточнил крестный. — Ведь единственный способ спасти тебя, который в моих силах — заказать тебе Зеркало.

— Горден, прекрати ради Бога, — Павел попятился. — Эта рана, она тебя не убьет? Зачем ты ее снова вернул себе?

— Даю Зеркалу отдохнуть, — Горден потушил бычок в пепельнице. — Я стараюсь думать, что мы с ним — равны. Две половинки, а не хозяин и раб. Он не имеет права голоса, не может ничего поменять, но могу я. Приходится решать за нас двоих. Вот и стараюсь все делить поровну.

— Ты псих! — Павел снова сел за стол.

— Судя по всему, ни чуть не больший идеалист, чем ты, Кранц. Мы с тобой не мужики, пара нежных баб с чувством невыполненного долга черт знает перед кем.

— Я предпочитаю верить, что просто очень принципиален, — отказался Павел.

— Ну-ну, — Горден немного сгорбился. — Так что ты скажешь?

— Нет.

— Хорошо, во всяком случае, у тебя был выбор, который я упустил. Знаешь, наверное, на твоём месте я бы поступил точно так же. Но есть у меня кое-какие соображения, которые могут оказаться тебе полезными. Тебе нужно отыскать своего двойника. Только не вздумай обращаться ко Льву, даже не думай о нём...

— Постой, как я его найду вообще? — прервал крестного Павел.

— Во сне, — Горден потрепал свои волосы. — Пусть он тебе приснится. Найди его и возьми за руки. Это совсем не сложно на самом деле. Помнишь, что говорил Патрик: в древности считалось, что если осознанно свяжутся двое, их силы приумножатся. Только получив поддержку, ты сможешь создать себе щит из ничего.

— А как сделать так, чтобы приснилось именно то, что надо? — полюбопытствовал Павел.

— Очень захотеть? — ответ прозвучал как вопрос. Горден задумался.

— А можно мне руку освободить, так не удобно, когда она привязана? — спросил Кранц.

— Если хочешь почувствовать, как она болит на самом деле, то пожалуйста. Не советую забывать, в тебя на три пальца воткнулась настоящая железяка, — Горден залпом выпил кофе. — Да, что я тебе говорю, сам же взрослый мальчик. Понимаешь, что тебя не застрелить хотели, а поймать. Вот и подранили слегка.

— Нет, я не могу сделать таких выводов, потому что не понимаю, — взвился Павел. — Это тебе все ясно, не мне.

— Ладно, ладно, — Горден поднял ладони, словно защищаясь. — Не пыжься, там ничего серьезного нет, заживет через недельку. Уж больно врач тебя хороший смотрел, этот и мертвого вроде меня на ноги поставить может.

Вот ты все твердишь, что не понимаешь, так ты задай мне вопросы, я объясню, на все отвечу. Может, поймешь?

— Что этот Лев за человек? Влиятельный? У него много слуг? — тут же выпалил Павел.

— Ну, с точки зрения человеческих качеств, он богатый предприниматель. Настолько успешный, что первое свое Зеркало заказал за наличные. Это гигантская сумма для твоего статуса.

— Какая?

— Что-то около полумиллиарда зеленых, я думаю.

— И ты столько заплатил? — с легкой завистью уточнил Павел.

— Я и вправду похож на человека, способного достать из кармана половину миллиарда долларов? — скривился Горден. — Я польщен, большое спасибо. Нет, конечно! Начнем с того, что Сиковски называет каждому свою цену, но Льву Зеркало стоило именно столько.

— И ты бы заплатил за меня столько же? — не дал закончить крестному Павел.

Горден беззвучно рассмеялся.

— Заплатил бы. Занял бы и заплатил, если бы Сиковски попросил столько. Но он выставил бы другой счет, я слишком хорошо его знаю. Так тебе все еще интересно узнать, что стоило мне мое собственное зеркало?

— Ага...

— Оно стоило мне труда разума, — загадочно сообщил крестный. — Я предложил старику идею, в обмен на Зеркало. Участие в идеи крематория, как ты выразился. Жутковатое название. Что бы ты ни думал, Патрик Сиковски очень нужный и важный человек в этом мире. Он способен помочь осуществить даже самые смелые начинания. Он — словно неумолимый механизм, способный завернуть вентель, остановив на полпути любые начинания, или дать бурному потоку проложить себе дорогу.

— Вот почему ты всячески подкатываешь к нему?

— Мне твоя язвительность неприятна, — заметил Горден. — Я не подкатываю к нему, я делаю то, что куда опаснее: беру его за глотку и трясу, пытаюсь вытрясти ответы. И, что самое удивительное, он мне позволяет, как я, на самом деле, стерплю от тебя любое злословие. Потому что я чувствую ответственность за твою судьбу. А вот почему Сиковски еще не растоптал меня — не ясно. Да, совершенно неясно.

Горден указал на пачку сигарет, и Павел послал ее обратно через стол.

— Еще что-нибудь рассказать тебе о Льве? — спросил он спустя минуту. — Он недавно перебрался в Канаду, считает, что там безопаснее. Завистников меньше. У него денег куры не клюют и это привлекает всякую шуштуру. Бизнесмены не понимают, что Льва не сможет убрать даже самый лучший киллер. На него регулярно совершаются покушения, нахлестывает волна за волной и испаряется, не нанеся вреда. Этому палец в рот не клади, мигом отхватит. Это опасный, очень умный и дальновидный человек, матерый воинствующий болван, пожелавший собрать все Зеркала подле себя, чтобы быть уверенным в своей безопасности до конца.

Ладно, утро вечера мудренее, шел бы ты спать. В твоём случае это самое правильное решение. Тебе дать болеутоляющее или уже легче?

— Да откуда ты узнал? — опешил Павел.

— А тебе не надоело проверять, умею ли я читать мысли?

— Нет, не надоело — мне все время нужно подкрепление начавшей зарождаться веры, — серьезно отозвался Павел. — Скажи, сейчас у Льва сколько Зеркал?

— Сейчас одно, ему недавно не повезло, второе он разбил и взялся за дело всерьез.

— А можно как-то разбить его, добраться именно до зеркала, а не до Льва? Тогда он поймет, что со мной сталкиваться опасно...

— Нет, — Горден покачал головой. — Все Зеркала... ну, почти все, хранятся в хранилище «Услуги Зеркал», в котором мы с тобой вчера врачевались. Это предотвращает неизбежную в других случаях войну между сильными этого мира.

— Но твоё Зеркало не в хранилище, оно у тебя! Ты можешь мне показать, я хочу...

— Посмотреть? Полюбопытствовать? — Горден составил в раковину чашки и принялся их мыть. — Нет, тебе это видеть ни к чему, уж поверь. Иди спать, Кранц, я еще посижу немного, подумаю, чем тебе можно помочь. Гениальные идеи всегда посещают меня ночью, когда все вокруг спят...

Постояв немного в нерешительности, Павел вздохнул и ушел на свой протертый диван.

Может, от переживания, а может от выпитого кофе, он долго не мог уснуть и, в конце концов, не выдержал, снял стянувшую руку повязку. И света в комнате он больше не гасил.

Пару раз согнув руку в локте, Павел понял, о чем говорил ему Горден: боль в плече нарастала от каждого неосторожного движения.

Вздохнув, он улегся на спину и принялся считать овец, как вдруг расслышал приглушенный стенами звук дверного звонка. Но ведь на улице ночь, кто мог прийти в столь позднее время?

Осторожно выглянув в коридор, он увидел у центрального входа свет. Затаив дыхание, прислушался.

— Отдай львенка, Горден, — отчетливо сказал кто-то. — Я говорил с Львом, и он требует свою собственность у вас с Патриком незамедлительно. Не разводите беспредел, а то общественность может обозлиться...

— А вы не придавайте огласке то, что происходит, — не дрогнув, отозвался крестный. — У Льва разная репутация, но таких слухов ему не нужно. Тебе надо успокоиться, Антуан. Я вообще ничего не решаю. Я же не бывшая жена Льва. Балом правит госпожа Элизабет, ей и решать. Она вполне имеет право сделать мужу хороший подарок к празднику. До дня рождения еще больше десяти дней, не суетись под клиентом, Антуан. Лучше отдохни. Или Лев настолько из тебя жилы тянет, что ты ни ночи спокойно поспать не можешь?

— Шутки все шутишь, Горден, — с укором отозвался ночной гость. — Ты вон тоже не больно-то сонным выглядишь, боли мучают или сомнения?

— Я все сказал, — сухо отрезал Горден, закрывая дверь, — спокойной ночи, Антуан.

Постоял немного, вздохнул и побрел обратно на кухню.

Павел метался по комнате из угла в угол. Горден сдаст его, рано или поздно отдаст. Что он может придумать, если крестник сам отказывается от единственного очевидного спасения?!

Нет! Нужно что-то делать, куда-то бежать. Спрятаться, чтобы никто его не нашел. Затеряться. Лучше всего это сделать где-нибудь в людном месте, например, в Метро. Чтобы его не нашли. И думать, думать самому. Нельзя полагаться на других.

Решившись, Павел на цыпочках прокрался к двери, нашел там свою потрепанную куртку и отстиранный от крови свитер с уже двумя дырками на груди, оделся, стараясь даже не дышать. Понимая, что поступает в высшей степени некрасиво, сунул руку в плащ Гордена и достал оттуда несколько смятых некрупных купюр. На воду и билет на Метро хватит. Он обязательно вернет все, когда сможет. К тому же для крестного это не деньги вовсе. Но все равно неудобно как-то.

Павел в последний раз взглянул через плечо на темный коридор с отблеском кухонного света в конце и вышел к лифту, тихо затворив за собой дверь.

В это время на другом конце квартиры в затянутой сигаретным дымом кухне сидели за столом Сиковски и Горден. Старик попыхивал трубкой и недовольно косился на кровавое пятно на боку хозяина квартиры. Горден не обращал на это внимания, пил коньяк из пузатого большого стакана. Звонкой струйкой текла в железную раковину вода из незакрытого крана.

— Нет желания вернуть мальчишку? — поинтересовался Сиковский невинно.

— Пусть идет, — тоскливо отмахнулся Святослав.

— Может ты и прав, — старик причмокнул губами. — Его смерть многое изменила. До сих пор поверить не могу, что ты дал ему утонуть. Не по-родственному это как-то, да и не по-человечески. Я все наблюдал за тобой, как ты с зеркалом своим обращаешься, и уж было поверил, что ты не способен на точный расчет. Думал, ты безнадежен...

— Не сыпь мне соль на рану, — прошептал Горден.

— Не каждый, да, не каждый, — не унимался старик, — вернувшись с грани, способен видеть, но каждый, несомненно, смотрит на мир по-другому. А мальчишка оказался необычайно способным...

— Знал бы ты, Патрик, чего мне стоило запустить его сердце там, на берегу... мертвым.

— Даже не знаю, какими резервами ты пользовался и как сохранил свое зеркало. Боишься, я новое тебе не сделаю?

— Не боюсь, просто мамка меня учила беречь свои вещи, — Горден сощурился. — Но ты-то как мог, ведь знал, что парень там, в багажнике умирает, сам вышел, а его не открыл.

Это прозвучало будто обвинение, но старик лишь пожал плечами:

— Твой парень, тебе с ним и возиться. Кроме того, я не хуже тебя понимал, что от Зеркала он

откажется. Понял сразу, как увидел. Этим и ты меня заинтересовал когда-то.

— Я порою думаю, что Дьявол — это ты, — проворчал Горден.

— Может быть, для кого-то, — философски заметил Сиковски. — Для тебя, например. Ведь все же знают: ты моя любимейшая игрушка!

— Какая неслыханная честь! — фыркнул Святослав.

— Но какая незавидная участь! — не отставал старик. — Ты что, все еще надеешься меня обыграть? Добиться, чтобы я делал что-то для тебя просто так? Хочешь узнать тайну души? Или, может, мироздания?

— Ты когда-нибудь проболтаешься, я уверен, — скривился Горден. — Все старые евреи жуткие балаболы.

— А с чего ты взял, что я еврей? — поинтересовался старик, выпуская к полотку серию белесых дымных колец.

— А мне так нравится тебя воспринимать, — без запинки отозвался хозяин квартиры.

— Порою, Слава, ты меня убиваешь своей прямоотой, за то тебя и люблю, — расхохотался старик.

Они помолчали. Горден внезапно вспомнил что-то и хлопнул в ладоши, забыв, о вернувшейся ране. Засопел и облокотился на стол, подпирая тяжелую голову.

— Ты ведь знаешь, кто пустил пулю в Кранца, — утвердительно сказал он. — Из арбалета стрелял Антуан, хотел отбить мальчишку, да я подхватил. А вот кто стрелял...

— А ты говори, Слава, говори. Ты прав и я прекрасно знаю, кто играет не по правилам, но это только ваше дело, господа. В моем Уставе нет ни строчки о защите материала для Зеркал.

— А я тут подумал, — Горден не отрывал от лица Патрика пристального взгляда. — Эти ведь тоже не хотят убить Кранца. Они задирают планку, хотят, чтобы легенда о прайде стала реальной.

Сдается мне, это и не легенда вовсе, а как бы угроза. Что ты смеешься, Патрик! Меня осенило! Это было чистейшей воды предупреждение. Не задумаешься, не изменишься — заплатишься!

— Нет, Горден, я смеюсь сам над собой, — взмахнул трубкой Сиковски. — Я столько лет на тебя глазею, но чего-то недоглядел. Оказывается, твои мозги куда активнее, чем я думал все это время...

— То ли оскорбил, толи похвалил, — сник Горден. — Но не ругаешь, значит, я прав. Лев не прислушался к предупреждению...

— И проиграет, — уверенно закончил Сиковски. — Только не спрашивай старика, за что я лично недолюбливаю Льва, я не имею права обсуждать своих клиентов. Но есть еще одна интересная возможность, которую ты не продумал. Например, если сбежавший от тебя Кранц, которому ты велел даже не думать о Льве, не ходить к нему и не искать его, найдет способ убедить и объединиться со своим заказчиком. Эта парочка может разнести весь мир. Камня на камне не оставят! Твой крестничек мне показался очень...

— Опасным? Мне тоже, — Горден коснулся раненого бока. — Стоило его зажать и он бросился убивать, мотивируя любые поступки самозащитой.

— Ой, в опасности и не такое сотворишь, нашел чем его упрекать, — покачал головой Сиковски. — Но он очень упертый.

— Если Павел найдет способ... силу... понимание, как связать себя с двойником, а потом объединится с Львом Черненко, это будет абзац. Во-первых, крах моей собственной жизни, во-вторых...

— Вот тогда точно будет война, — покивал старик. — Потому что Лев Черненко стар, силен и умен. Он просто подчинит себе мальчишку и дело с концом. Ты подумал о том, что все до последнего слова это может быть его игрой...

— Или твоей... или моей, — Горден глотнул еще коньяка. — Я правда не знаю, чем все это закончится, Патрик. Мне не хватает карт, Сиковски, старый плут, скажи, кто еще участвует!

— Думай сам, Святослав, я уже убедился, что ты достаточно умен для этого. А иначе тебе будет совсем неинтересно.

В кухню заглянула помятая, с отпечатком подушки на щеке, Белла.

— А я думал, ты уехала, — хмыкнул Горден.

— Задержалась, — пожала плечами женщина. — Что, мальчишки, не спится? Горден, ну разве так можно, ты бы хоть кровотечение остановил что ли, а лучше сделай, как положено! Скинь на Зеркало! Ты чокнутый совсем или как?

— Он — чокнутый, не сомневайся, — отозвался Патрик, зевая. — Кстати, твой заказ только что сбежал бороться с неприятностями в гордом одиночестве. А мне и вправду пора спать, засиделся я...

— Горден! — возмутилась Белла! — Что ты сидишь?! Немедленно приведи себя в порядок и верни Кранца!

— Я пытаюсь для начала понять, что на самом деле происходит, Элизабет, и пока не пойму, никуда не пойду! — отрезал Святослав.

— Ну тогда дальше сами, — обиделась женщина. — Я удаляюсь. Поеду мать навещу, уже пора с нею помириться что ли. А то я много лишнего ей когда-то давно сказала.

— Все хочу тебя спросить... и ты, Сиковски, постой минутку, ведь Лев не тебя убить хотел, а разбил Зеркало. Напрямую. Так как же он до него добрался, если ты, Патрик, даешь стопроцентную гарантию неприкосновенности и сохранности, ась?

— С тех самых пор, — сурово отозвался Сиковски, — я даю гарантию в тысячу процентов...

Глава 5. Беготня

Хмурое Метро, говорливое и глухое. Павел был там, среди толпы в совершенном одиночестве. Окруженный взглядами и случайными прикосновениями, он ехал куда-то совсем один.

Павла мучила жестокая жажда, в висках колотилась боль, и монотонный перестук колес усиливал ее, сливаясь в один сплошной кошмар.

Станция Новослободская. Отдых. Звук шаркающих ног. И снова стук.

Ему не хватало воздуха. Павел прочувствовал всю бедственность своего положения, ощутил ту, настоящую боль, которую должен был испытывать все это время. Выматывающую, не дающую уснуть. Ту самую, которой не было рядом с Горденем.

Какой монетой он оплатил крестному, который, рискуя жизнью, бросился искать его среди темных домов? Что сделал он за то, что его спасли, пригрели и пытались подлечить?

Он сбежал.

Так частенько поступают люди, столкнувшись с трудностями, к которым они даже не знают, с какой стороны подступиться. Павел знает, что голова у всего этого находится на плечах Черного Льва, но помогает ли ему это? Как отрубить голову от тела, если он не видит ни того, ни другого?

Метро целый день. Оно сводило Кранца с ума не хуже, чем страх. Оно крутило его по бесконечной карусели Кольца и он то задремывал, то просыпался вновь. Метро обдавало его тысячами разнообразных духов и одеколонов, запахом пота, раздражением и усталостью. Оно давило и угнетало. Павлу казалось, он потерялся среди станций, и, не раз в испуге выплывая из болезненной дремы, холодел от мысли, что не знает, не понимает, где находится. Но потом вспоминал, что бессмысленно кружится по вальсирующему Кольцу, и ему становилось легче. Никуда не деться с круга, не съехать, с пути не сбиться. Это — выверенный алгоритм движения, дающий грамм сто уверенности.

Он менял друзей и подруг, так и не успев узнать их имен. Пассажиры входили и выходили, а Павел оставался неизменным и воображал себя поручнем, неким продолжением вагона, забившимся в самый дальний угол, чтобы никому не мешать. Но он конечно мешал. Павел сбился со счета, сколько раз на него навалились, сколько раз ему отдавили ноги и задели. Ему было все равно. Он ничего не мог изменить. У него не было на это ни желания, ни сил.

У него кружилась голова, и Павлу казалось, под ним не тряский стучащий вагон Метро, а чудесный аттракцион с разноцветными лошадками, скачущими по кругу. И вот он снова маленький, и там, у подножия стоит отец, приветливо машет рукой. Когда их жизнь рассыпалась, от чего мать с отцом развелись? Ведь ему было лет пять тогда, не больше! Почему он до сих пор не задавался этим вопросом, неужели ему было все равно? Он вспомнил об отце лишь тогда, когда ему понадобилась помощь. Как прозаично...

Бесконечные, бегущие по тоннелю трубы, отражения исковерканных лиц в стеклах, нависающие тела, рекламы, станции, торможение, остановка, тишина, разгон. Стук. Его укачивало, будто молодого матроса на корабле. Маятник Метро, древний, выверенный, его не остановить, он раздавит тебя, если покрепче упереться плечом и попытаться сбить его с ходу.

Бом! Следующая остановка.

Что со мной случилось? — думал Павел, прислонившись плечом к поручню. — Что за жернова перетирают меня в порошок, выжимая живительное масло? Я хорошо жил, я стремился стать человеком, но в кого превращаюсь сейчас? Что страх делает со мной? Реальный мир, который я знал, оказался только маленькой частью, в которой слишком много белых пятен!

«Это — чертова свора», — говорит Горден, для него все понятно, слова объясняют суть и полны правды. Но такая правда Павлу не нужна! Какие-то зеркала, двойники, вибрирующие халаты,

попытки утонуть, пуля в грудь. Кто может похвастаться таким, кто захочет повторить и испробовать?!

Когда Сиковски превращает двойника в Зеркало, куда девается разум человека, куда исчезает душа? Неужели она так и заключена внутри тела, на которое чуть что хозяин скидывает все свои неприятности? Зеркало болеет простудой, выздоравливает от страшных ран, лечит ожоги и ушибы. А тот, кто должен отвечать, занимается своими праздными делами, забыв о неприятностях!

Нет, определенно, душа должна куда-то деваться, потому что иначе Ад как понятие обретает реальность. Ведь чем не вечные муки, быть рабом, не иметь возможности что-то изменить и жить, терзаемым постоянной болью и безысходностью. Если бы душа была на месте, Зеркало бы уничтожило себя само, покончило бы с собой. Да, эти Зеркала и вправду пустые, а вот перед Павлом стоит сложная задача: нужно сделать оболочку из пустоты. Но, покачиваясь в шумном вагоне, Павел никак не мог заставить себя думать о будущем. Всякий раз обращаясь мысленно к тому, что нужно придумать выход, нужно что-то делать, он ощущал полное бессилие и отступал. Он задремывал и просыпался, не поднимая глаз разглядывал ботинки, вглядывался в потертости пола и снова задремывал. К вечеру, когда жажда стала невыносимой, он принял решение подняться наверх. Эскалатор вырвал его из тягостных раздумий, снял с плеч Павла весь тот груз земли, что целый день давил над разумом, и отпустил, оставшись позади. Влажный свежий ветер обжег разгоряченное воспалением лицо.

Кранца мучила слабость, он едва переставлял ноги. Он добрал до ларька, купил минералки, жадно, залпом выпил ее и присел на бортик, но уже через минуту его вырвало.

Старушка с кошками, — от чего-то подумал Павел. — Что если попробовать попроситься к ней переночевать? Ведь один раз она меня пустила, пустит и второй раз. Это просто невозможно снова спуститься в Метро, зная, что придется провести там всю ночь. А к крестному возвращаться нельзя, раз уж убежал, то дорога назад закрыта.

Немного придя в себя, Павел купил еще одну бутылку воды и, сделав глубокий вдох, снова нырнул в поток людей, скользящих по эскалаторам в томные чрева Метро. Добрался до института и выскочил на поверхность.

От воды по прибавилось сил. Опасливо оглядываясь, Павел пробежал парк, постоял, пытаюсь понять, в какую сторону идти, чтобы найти те дворы и старухин дом. Он долго бродил по округе, почти отчаявшись, все удаляясь от парка и внезапно узнал арку.

Нашел!

Еще раз оглянувшись, он юркнул в знакомый подъезд и поднялся на четвертый этаж. Сил на сомнения уже не оставалось и он, не мешкая, надавил на дверной звонок.

Дверь распахнулась тотчас же, и в щель просунулось круглое, все в подвижных складках лицо.

Павел в ужасе отшатнулся, но через мгновение устыдился своего страха. Старуху прошиб паралич лицевого нерва, вот у нее и дергалась щека.

— Чего тебе, нехристь? — ворчливо спросила карга.

— Бабуль, переночевать пусти, — густо краснея, попросил Павел, вспомнив, как сбежал из этого дома прошлый раз. На что он только надеялся, разыскивая ее дом? Но старуха не оправдала его ожидания, пожевала подвижными губами и юркнула обратно в квартиру,

оставив дверь открытой. Помявшись на пороге, Кранц зашел внутрь и запер замок. Свет горел только на кухне, в коридоре было темно и пахло пылью. Пошарив в поисках выключателя, Павел обессилено опустился на пол и разулся. Передохнул немного, с удивлением обнаружив, что в доме старухи он чувствует себя в безопасности. Потом поднялся и зашел в ванную, чтобы помыть руки и умыться.

Из зеркала взглянул на него осунувшийся, с глубоко запавшими глазами чужак.

— Ну, хорош! — проворчал Кранц, умываясь одной рукой. Плечо совершенно обездвижило вторую руку так, что Павел старался даже пальцами не шевелить.

Его никто не торопил, и беглец присел на край лохани, насаждаясь ощущением покоя.

— Эй, — внезапно крикнула бабка, — иди на кухню, поешь!

Улыбнувшись, Кранц вышел в коридор, но, проходя мимо комнаты, замер.

В квартире больше не пахло кошачьей мочой, в ней вообще ни чем не пахло, кроме пыли и старого дерева. И ни единой кошки здесь тоже не было.

Не понимая, что происходит, Кранц заглянул в другую комнату, зажег свет и даже проверил под столом. Диван, где он очнулся в прошлый раз, и полки книжные — все на месте, а кошек нет.

— Эй! — снова позвала старуха.

— Иду, — Павел быстро заскочил на кухню. — Бабуль, где все твои кошки?

— Ась? — старуха мешала на плите щи, пропитавшие кухню дурманящим ароматом. И как бы ни был вымотан Павел, его рот сам наполнился слюной.

— Садись, нехристь, — бабка взяла половник.

— Так куда ты дела кошек? — пересиливая себя, снова спросил Павел.

— А у меня были кошки? — замаявшись, уточнила бабка.

— И внучка, — подсказал Кранц, думая о том, что старость, должно быть, ужасная штука. Она, словно сон, ты просыпаешься и знаешь, что что-то было, но не можешь вспомнить, что именно. Наверное, склероз ощущается именно так... А, быть может, это все же он сам сошел с ума?

— Ах кошки, сообразила бабка. — Соседи эти, ууу, — она погрозила кулаком потолку. — Ненавижу малявы! Приехали службы и всех забрали, кошечек моих. А квартиру дрянью всю забрызгали, дышать нечем!

Ах, вот оно что, — с облегчением подумал Павел. — Кто-то из соседей не выдержал запаха и вызвал кого следует. Ну и хорошо, что все так обычно, а то мочи нет терпеть все это безумие!

Он уселся за стол и с радостью принялся за еду. Бабка, покосившись на него, вышла куда-то. От этого настроение у Кранца еще улучшилось, хозяйка дома все же угнетала, пугала его. Тронутый годами разум казался чужим и неприятным.

Наевшись, Павел внезапно ощутил, что вот-вот упадет со стула от усталости. В дальней комнате приглушенно зашипело, заиграла музыка.

До сих пор слушает пластинки, — подумал Павел, с трудом поднимаясь и перебираясь на хорошо знакомый протертый диван. Повалившись на него, он уснул, так и не сняв ботинок.

Площадь, окруженная двухэтажными домами из пористых известняковых блоков, лестница вниз по пологому склону; желтые, разогретые солнцем ступени. Кадушки с яркими цветами, пронзительное голубое небо. И никого.

Окна, крылечки, низкорослые деревья в больших бочках, ветвистые плети винограда и вьюнов, закрывшие крыши.

В полной, звенящей тишине надо головой, низко-низко проплывает брюхо огромного авиалайнера. Павел провожает его взглядом, пока рукотворная сверкающая птица не скрывается за домами по левую руку. В душе рождается щемящее, неприятное чувство, предчувствие какой-то незнакомой беды. Тело само собой напрягается в ожидании и внезапно до слуха долетает натяжный, тяжелый гул. В небо поднимается огненный, рыжий столб, разворачивается облаком черного, густого дыма.

Мимо бегут люди, что-то кричат и машут руками, и Павел устремляется вместе с ними, толкается, вытягивая шею, пытаясь увидеть место трагедии, но по-прежнему ничего не видит. Все скрыто за домами, и пустые окна ловят солнечный свет, стреляют им в мостовую, трепещут зайчиками на камнях.

Быстрее, еще быстрее бежит Павел, сворачивает на узкую улочку, перепрыгивает через каменный заборчик, распахивает скрипучую калитку с другой стороны двора, где в тени фигового дерева стоит красный пластиковый стол и низкие четырехногие табуретки.

Это уже совсем другая улица. Снова пустая, и только один единственный человек, пошатываясь, бредет куда-то. Он весь черный, обуглившиеся куски одежды висят на нем лохмотьями, волосы все сгорели и из-под сажи и копоти, покрывшей кожу, проступают кровоточащие ожоги.

Павел думает, что нужно помочь этому несчастному, но странный страх, замешанный на отвращении, не дает ему приблизиться к этому живому трупу. И вот он уже ищет повод, чтобы отвернуться и уйти. Такие серьезные ожоги смертельны, — говорит Павлу разум. — Тут даже хорошие врачи не помогут, а что сделаешь ты? Догонишь его и что? Бедняге невозможно помочь, его не спасти и он идет лишь потому, что шок еще не отпустил. Но пройдет еще пару минут и он умрет — сердце не выдержит навалившейся боли.

К черту все доводы!

Павел сплевывает на асфальт и бежит, пытаясь догнать обгоревшего, не понимая толком, зачем он это делает. А вокруг никого нет. Их двое.

Вроде раненый бредет едва-едва переставляя ноги, но он по-прежнему далеко и Павел задыхается, рвется вперед через вязкий, словно варенье, воздух.

— Стой! — кричит он. — Стой! Я тебе помогу!

Мостовая сотрясается, словно бы земля встает на дыбы, и Павел падает, катится вниз по наклонной, обдирая руки о камни, чувствуя щекой их горячее, напитанное солнцем дыхание.

Вскакивает и оказывается прямо за спиной обожженного человека, который медленно начинает поворачиваться на крик.

Павел зажмуривается, не желая видеть лицо несчастного, но словно бы у него нет век, кажется, юноша смотрит через мутноватое стекло. Чудовищное лицо с пустыми, выгоревшими глазницами надвигается на него и Павел, словно во сне, протягивает руки, пытаясь оттолкнуть чудовище.

Но руки его живут своей собственной жизнью, они сделаны из камня и их холоднее касание приносит обожженному облегчение. Павел слышит утомленный вдох, и берет ладони несчастного в свои, сжимает их крепко-крепко, чувствуя, как прожигают его каменную оболочку языки огня. Неимоверный, испепеляющий жар охватывает его тело, и он корчится вместе с обгорелым трупом, но рук разжать уже не может.

Температура сожгла мое тело, — шепчет ему на ухо кто-то. — Я должен умереть...

Двойника нужно догнать и взять за руки, — припомнил Кранц слова Гордена. Он проснулся и лежал неподвижно с закрытыми глазами, ощущая жар во всем теле. Даже ладони и подошвы ног горели, будто их только что растерли «Звездочкой». Признаться, новый ночной кошмар пуще предыдущего вымотал Павла. Никаких сил не осталось, ей Богу! Если это и был его, Павла, двойник, то скорее он отдал этому умирающему часть своей силы, а не наоборот.

В ванной падала вода, и этот звонкий звук неприятно бил в висок. Павел открыл один глаз и посмотрел на часы на стене, они показывали без четверти час. День был хмурым.

Пересилив себя, Павел встал и подошел к окну, с опаской отодвинул засаленную штору. Обычный двор, припаркованные машины, детская площадка, песочница с брошенной лопаткой. Идущие вдоль тротуара одинокие люди. Накрапывает дождь. Ну когда же уже прекратится это безобразие?! Когда наступит настоящая весна, и на душе полегчает?! Когда, наконец, выглянет солнце!

В голове дурман и болит желудок, словно накануне Павел чем-то отравился. Надо снова куда-то идти. Долго на одном месте находиться нельзя, и в душе снова беспокойно, тревожит что-то. Из глубины квартиры доносится неприятное шипение.

Павел прошел по коридору и заглянул в комнату. Здесь почти не было мебели, обои были ободраны, в центре маленькой комнаточки стояло плетеное кресло, рядом — высокая тумба, на которой примостился проигрыватель, устало крутящий доигранную пластинку. По полу до стены к подплавленной розетке тянулся провод.

На окне пожухлый, давно засохший цветок в обычном глиняном горшке.

Павел подошел и выключил проигрыватель. Посидел на краешке кресла, ни о чем не думая, потом заглянул на кухню. Здесь остро пахло кислым, и Кранц быстро нашел источник: на прочь прокисшие щи в кастрюле на плите. Они поросли бурной черной плесенью, доставшей до самой крышки.

Выходит, они и вчера были несвежими, — раздраженно подумал Павел, и, в ответ на его мысли в животе что-то забурчало. — Удивительно, что он по-настоящему не отравился и не валяется сейчас на тахте с коликами, рвотой и температурой.

Павлу сильно хотелось есть, и он бесцеремонно обшарил холодильник и шкафы, заглянул в

каждую банку, но нашел там только остатки какие-то сушеных пряностей, купленных так давно, что они уже и не пахли. Еще нашлись пакеты с надписями: чернобыльник, донник лекарственный, дурман-трава...

Внутри пакетов были кажущиеся пыльными стебли и поблекшие цветки. Ни крупы, ни даже соли на этой кухне не нашлось. Павел, чертыхаясь, обыскал все, потом быстро оделся, осторожно обходясь с раненым плечом, которое, если не шевелить рукой, дало ему временную передышку, и, захлопнув за собой дверь, вышел на улицу.

Дошел до Метро и на оставшиеся деньги купил себе пару чебуреков и бутылку воды. Сел на автобусной остановке и с превеликим удовольствием все это проглотил. Сквозь дыру в облаках упал на землю луч света, жизнь налаживалась.

В ожидании своего автобуса кокая-то женщина подкармливала птиц, бросая Кранцу почти под ноги горсти мелко крошеной булки, и у ног Павла суетилось серое облако крыльев, перьев и хвостов. Суетливые воробьи сновали между неуклюжими сизыми, выхватывая куски покрупнее.

Рядом присел какой-то мужчина, нахохлился, глубоко засунув руки в карманы. Павел покосился на него и снова уставился на голубей — наблюдать за их мельтешением было очень приятно.

— А давно ли автобуса нет? — внезапно спросил мужчина, и Павел, вздрогнув, уставился на него. Он уже слышал этот голос...

— Не знаю, я не жду, — отозвался он и встал. Голуби прыснули в разные стороны.

— А который сейчас час? — снова спросил мужчина, чем заставил Павла замереть.

— Я без часов, спросите у женщины, — холодея, ответил тот.

— Ты сядь, сядь, — позвал мужчину и повысил голос: — Уважаемая, не подскажете ли, сколько времени?

— Без четверти два, — отозвалась женщина охотно и запустила в голубей новой горстью крошек.

— Ааа, опаздываем, — протянул мужчина, похлопав рядом с собой по скамейке. — Но еще не очень. Вот скажи мне, как представитель современной молодежи: пьянство — порок?

— Не знаю, — по-прежнему не сдвигаясь с места, ответил Павел. — Я почти не пью.

— А куришь?

— Курю.

— Тогда давай покурим и пойдем, Кранц, — мужчина снова похлопал ладонью по скамейке и, сунул руку в карман. Павел напрягся, но мужчина всего лишь достал из кармана сигареты.

— И учти, я бегаю быстрее, — ухмыльнулся он. Его глубоко посаженные глаза неприятливо блеснули. — Только давай без глупостей, львенок? Все равно ничего не выйдет, как бы ты не изворачивался. Давай познакомимся: Антуан Ворков. По-русски Антон, если так тебе будет проще. Это я в тебя стрелял из арбалета, забавная штука, мне нравится. Целил в ногу, попал в

плечо...

Он засмеялся, протягивая сигареты. Павел медленно сел рядом, закурил и сказал:

— Меня не тронь, Горден подарил мне Зеркало...

Ворков, тоже намеревавшийся закурить и поднесший к губам сигарету, замер, пристально глядя на юношу.

— Да что ты говоришь? — медленно пробормотал он. — Действительно незадача! И где же оно тогда, твое зеркальце?

— У Сиковски на хранении, — ответил Павел.

— Ну-ну, ты так не нервничай, — покачал головой Антуан. — Странное оно какое-то у тебя, прямо скажу. Убить тебя что ли, чтобы проверить? Чудится мне, ты врешь. А ведь это действительно большая проблема. Горден совершенно не умеет проигрывать, я тебе скажу. Для крестного очень достойный поступок, а вот как Сиковски пошел на это, ума не приложу! Есть же закон...

— Горден никакого закона не нарушал! — зашипел Павел. — Я себе ничего сам не заказывал, это подарок, а дареному коню в зубы не смотрят! И вообще, оставьте меня в покое, или отделаю вас также, как крестного!..

— Сидеть! — очень властно велел Ворков, но Павел не ощутил того оцепенения, которое наступало при словах Гордена. — Я же просил тебя не делать глупостей, разве нет? Думаешь, если Сиковски тебя с Зеркалом связал, так ты теперь неприкосновенный? Думать надо головой, а не тем, на чем ты обычно сидишь, парень! Лев тебя в любом случае в живых не оставит! Ты же конкурент на остальные Зеркала. Ты для него сейчас уже обошелся в два! А можешь заграбастать и больше. Ты нарушил все его планы, понимаешь? Ты не тот, с кем Лев станет считаться, тебя нечего бояться или уважать! И вообще, что ты можешь сделать, Кранц, ведь в прошлый раз у тебя был нож, а теперь ты безоружен.

Отшвырнув сигарету, Ворков встал, распугав голубей, и поманил Павла за собой.

— Пошли, я отвезу тебя ко Льву. Он сам решит, что с тобой делать. Если честно, ты меня уже утомил беготней, шестой день тебя разыскиваю. Ты, твой крестный и эта шлюшка Белла, ужас, до чего утомили.

Ворков подошел к большому серебристому джипу, запаркованному у тротуара, и открыл пассажирскую переднюю дверцу.

— А успел бы снова в Метро юркнуть, опять убеги бы, — наставительно сообщил он. — Тебя там найти невозможно, тонкий расчет, молодец. Как золотую песчинку на пляже. Сам сообразил али подсказали?

— И что теперь? — проигнорировав вопрос, спросил Павел.

— Садись уже, поехали!

Кранц с опаской заглянул в салон, но там никого не было.

— Садись! — Ворков настойчиво надавил ладонью Павлу между лопаток, заставил его сесть.

Не зная, что делать, Кранц быстро пристегнулся.

— И правильно, — Антуан сел за руль и завел двигатель, — вдруг я водитель хреновый...

— Куда мы едем? — уточнил Павел.

— К черному Льву, я же сказал.

— Но он же в Канаде... я слышал.

— Ради такого дела, — усмехнулся Ворков, — он прилетел. Надеюсь, ты не очень торопишься, я куплю себе сигарет.

С этими словами он вывернул на прилегающую улицу и остановился напротив маленького магазинчика.

— Это быстро, но помни, что я сказал тебе...

Посмотрев, как закрылась зеркальная дверь, Павел отстегнулся и принялся торопливо перебираться на водительское место. Ворков даже не подумал вынуть ключи или заглушить мотор. Соблазн был слишком велик. Павел был водителем некудышным, за рулем бывал пару раз, но ради такого дела, как спасение жизни, стоило рискнуть.

Он уже перекинул через коробку передач ногу, как за спиной кто-то прокашлялся:

— Кхе, кхе...

Ахнув, Павел вывернулся, стукнувшись копчиком о руль, и замер.

— Он же просил тебя не дурить или нет?

На заднем сидении развалился карлик. Маленький, тощий, словно двенадцатилетний подросток с коротко стриженными волосами, широкими, мужскими ладонями и совершенно детским, миниатюрным лицом. Его черты казались карикатурными, на губах играла насмешка, а пальцы с плоскими ногтями словно жили свое жизнью, нервно теребя ремень.

— Тебя здесь не было! — заорал Павел, не в силах владеть собой. Нервное напряжение достигло пика и выплеснулось наружу подобно цунами.

Карлик вздрогнул, поправил на голове волосы, словно его обдало потоком воздуха, и серьезно ответил:

— Был я здесь. Просто я неприметный очень, меня часто не замечают, не переживай так.

— Не верю. Не может быть, — нервно, с короткими паузами зашептал Кранц, сел назад и пристегнулся. Закрыв глаза, он замер и сидел так, неподвижно, пока не хлопнула дверца и машина, зашуршав колесами, не отъехала от тротуара. Но и тогда он не сказал ни слова.

В полном молчании они проехали через центр, и за стеклами джипа Павел видел привычный, милый его сердцу мир обыденности, спешки на работу, забот о приготовлении ужина; мир, в котором людей не везли на заклание, в котором не было жужжащих халатов-стражей и крестных, которых невозможно послушаться, потому что его приказ обладает магической силой.

Набережная, голуби, люди, машины, магазинчики, кофешки, памятники, скверы — все это

отдалялось от Павла с тем, как он сам приближался к неизбежной встрече с Черным Львом.

Джип выехал на Ленинградское шоссе и вот уже за окнами лишь голые, покрытые пятнами грязного снега бесцветные пейзажи — поля, перелески, еще не подернувшиеся изумрудной дымкой весны. Деревни. Все убогое, замершее между смертью и рождением, еще трепещущее при воспоминании о холоде и пронзительном ветре.

Павел бездумно смотрел в окно, в голову не лезло ничего путного. Молчание стало внезапно невыносимым и он спросил:

— Ехать далеко?

— А тебе то что? — уточнил Ворков. — Или торопишься?

— В кусты надо, — буркнул Кранц.

— Потерпишь.

Но спустя четверть часа на сидении завозился карлик, задышал тяжело, пнул ногой водительское сидение, словно капризный ребенок:

— Антуан, мне плохо! Меня мутит!

— Ты беременна может быть, красавица? — фыркнул водитель.

Павел медленно повернулся, глянув на карлика — тот был блее мела.

— Медленно сбрасывай газ, — хрипло велел карлик, — чтобы вон к той группе берез остановиться, и на обочину. Я свежим воздухом подышу, Кранц прогуляется до своих кустов.

— Как скажешь, — останавливая машину, кивнул Ворков и, наклонившись к Павлу, доверительно сообщил:

— Пророк, понимаешь ли. Вот такие дела.

Громко хрустнул попавший под колесо камень, захрустела грязь и машина съехала на обочину.

Мимо, один за другим, устремлялись куда-то, разбрызгивая серую грязь, грузовики, которые Ворков все это время ловко обгонял.

Павел охотно вышел из машины, оглянулся, но никто за ним не следовал, сбежал по мокрому косогору, чуть не упав, и нырнул в кустарник. Ивняк был густым, никаких тропинок не было, внизу по щиколотку стояла вода, но Кранц даже не думал останавливаться, торопливо ступил, чувствуя, как ледяной холод затекает в ботинки. Плевать.

Продравшись через гибкие прутья, он оказался в заваленном буреломами лесу, в последний раз оглянулся, прислушался и дал деру. Чавкая по воде, перебираясь через стволы, он сова спасал свою жизнь и думать забыв о раненом плече и усталости. Легкие жгло, но все это были мелочи по сравнению с тем, что ждало Кранца впереди.

Густой ельник отхлестал Павла по щекам, приводя в сознание. Нужно было что-то решать. За спиной маги, им не составит труда его найти. Надо срочно вернуться к дороге, поймать попутку...

Впереди между деревьями появился просвет, Павел прибавил ходу и вышел на опушку. Несколько километров голых, непаханных полей, деревенька. На открытое пространство нельзя. Придется идти вдоль леса. Нужна машина, сейчас его спасет только скорость.

Горден, где ты? Я снова попал в беду! И теперь мне самому не спастись.

Эти мысли крутились в его голове как мольба, но он знал, что останется не услышанным. Потому что не заслужил. Потому что отверг, отказался от помощи и спасения. Каким же он был глупцом?! Зеркало? Убийство? Если рассматривать это как действие во спасение, быть может, это приемлемо? Может, ничего страшного? Ведь он никогда не встретится с тем, чью жизнь подгребет под себя, он волен будет забыть и рассматривать зеркало как предмет. Как зубную щетку или сковородку, на которой по утрам жарить яичницу. Или...

— Нельзя стоять на месте, — велел он сам себе, и голос показался глухим, далеким. Чем больше он думает о Зеркалах, тем больше он теряет себя. Разве Павел Кранц когда-то мог кого-то убить? Даже подумать об этом?! В глаз дать — дело другое, но убить... И тем не менее он начал с собственного крестного и продолжает. В мыслях.

Совсем сникнув, Павел побрел вдоль кромки леса, пытаясь отдалиться от магов, но ощущая полное бессилие. Никакая попутка не спасет его от тех, кто вознамерился с ним покончить. Потому Павел даже не удивился, когда выбрел на рассекшую лес широкую просеку. Под деревьями на ее краю стоял серебристый джип; прислонившись к капоту, курил Ворков. Они встретились с Павлом взглядами и долго смотрели друг на друга, словно пытаясь разобраться, что же делать. Потом Ворков кивнул и приветливо спросил:

— Такси не заказывали, Кранц?

Павел судорожно вздохнул, сообразив, что все это время он не дышал. Наверное, он боялся, что его начнут убивать прямо сейчас. Здесь. Но с Ворковым было что-то не так. Он не походил на слугу, на глупого исполнителя. Он не раздражался, не злился, ему было все равно. Может быть, немного интересно.

— Скажи, — подходя, потребовал Павел. — Чем ты лично обязан Черненко?

— Я? — Антуан задумался, принялся для вида разглядывать окурок. Потом потушил его о ладонь и отбросил в сторону. Стряхнул сажу. — Мы некоторое время работали вместе по одному делу...

— Какие дела могут быть у магов?

— Не такие, как у простых людей, — быстро ответил Антуан.

— Только не говори, что вы вели раскопки древних захоронений, — проворчал Павел первую чушь, какая пришла в голову. Но Ворков едва заметно дернул плечом — как не странно, Кранц попал в цель.

— Всех интересуют другие миры, не правда ли? — вопрос звучал как риторический и Павел не стал на него отвечать. Не дождавшись ответа, Антуан сообщил: — Так вот, к твоему сведению, я намерен отстраниться, мне надоело рыть землю без какого-либо результата. Толи древние не знали, как проходить через ткани мироздания, толи не хотели оставить этот секрет своим потомкам. Столько времени прошло, что уже и не интересно. А тебя я согласился привезти по старой дружбе.

— Что, неприятно, когда тебя принимают за шестерку? — посочувствовал Павел.

— Да вообще-то плевать, не находишь? Ведь важно не то, что кажется, а что есть на самом деле.

Ничего не ответив, Павел сел на свое место и снял промокшие ботинки. Ворков с легкостью вывел джип на дорогу, и Кранц лишь подивился тому, насколько должно быть велико его умение, если многотонная машина ни разу не забуксовала, проехав по раскисшей дороге как по щебенке.

— Хорошо погулял? — уточнил карлик. Он выглядел значительно лучше.

— Нормально, и тебе остановка на пользу пошла, — натянуто отозвался Павел.

— Так оно уже случилось, мне всегда становится лучше, когда все случится.

— Случится что?

— Смотри.

Из-за леса, скрадывающего поворот дороги, поднялся к небу клуб черного густого дыма с красными прожилками. Он поднялся торжественно, в полной тишине, а через мгновение до машины докатился приглушенный гул, словно раскат далекого грома. Движение по трассе замедлилось, машины поехали потоком и вскоре встали. Тогда Ворков съехал с дороги и под невероятным углом погнался джип по косоугору. Наверное, там не проехал бы и вездеход, но джип Воркова вытворял что-то невообразимое, балансируя на грядном склоне. Павел мог лишь радоваться тому, что пристегнулся, иначе из-за крена, он бы рухнул на Воркова. А через километр стало ясно, в чем причина. Цистерна с горючим, водитель которой не справился с управлением на мокрой дороге, завалилась на бок на повороте. В нее врезалось несколько легковушек, от чего вытекшее топливо загорелось и взорвалось. Машины, оказавшиеся близко, разметало в разные стороны. Некоторые до сих пор догорали. Вокруг бегали люди с огнетушителями, но серьезно изменить ситуацию уже никто не мог. Оставалось дожидаться, когда все прогорит и тогда доставать мертвых.

— Этот грузовоз шел после нас, — равнодушно сказал Ворков, — зачем было останавливаться? Мы бы проскочили.

— Нет, смотри с другой стороны, — указал коротеньким пальцем карлик.

И вправду, с другой стороны в кювете валялись две смятые до состояния металлолома иномарки. Видимо, это из-за них перевернулась цистерна. Кто-то кого-то подрезал, вот и все дела.

— Ууу, — протянул Ворков, — опять камикадзе. Опять пьяный что ли?

— Пьяный. Мы бы конечно не погибли, — карлик хохотнул, — у тебя слишком машина хорошая, но ведь ее жалко. А так постояли, погуляли, и на твоём крыле ни царапинки. А, как я? Ловко?

— Ты дал всем этим людям погибнуть, — сказал Павел. Его слова прозвучали как обвинение.

— Дело пророка знать будущее, а не спасать людей, — отрезал карлик.

Павел хотел было возразить, да промолчал. Какое ему дело до тех людей, что погибли, его ждет учесть не лучше.

Глава 6. Эффект отражения

— Ну что, голубчики, вылезайте, приехали, — Антуан со стоном распрямил затекшую спину и выбрался из машины.

— Куда мы приехали, в лесу же стоим, — поморщился Павел, но все же последовал примеру водителя. Мокрые ботинки неприятно чавкали, и Кранц посмотрел на небо, толи ища исхода, толи вопрошая. Стволы и голые ветви были залиты мягким медовым светом клонящегося к закату солнца. Немного оранжевого, немного розоватого смешалось в спокойный поток, легло полосами на остатки не стаявшего снега и подножия деревьев.

— Пойдем, Кранц, пойдем, тут не далеко. Еще немного прогуляемся, — что-то оптимистично насвистывая, Антуан зашагал к просвету между деревьями, ловко перепрыгивая затопленные ложбинки.

Павел пригляделся и за деревьями разглядел какие-то трубы и здания. Сунув руки в карманы и нахохлившись, он побрел следом и нагнал Воркова только на краю склона. Здесь, в глубоком котловане под их ногами, лежала промышленная зона. Шесть корпусов, большинство из которых так и не были достроены, заборы с колючкой, погрузочные площадки, краны, элеваторы. Выбитые окна, кое-где затянутые полиэтиленовой пленкой. Везде царила разруха, у выломанных ворот цехов красовались кучи мусора, стояли ржавые легковушки без колес, давным-давно отжившие свой век.

— Ты глядишь как на диковинку, но здесь нет ничего интересного, — Ворков дернул Павла за рукав. — Завод пустует уже лет десять, везде вокруг полузаброшенные территории. Там дальше была военная часть, морпехов растили. Но единственное, что об этом теперь напоминает — бессмертные жизнеутверждающие плакаты, если конечно их еще не успели растащить. Сейчас кое-что забито под склады, порой можно встретить наркоторговцев, частенько здешние свалки служат как перевалочные пункты для запрещенных товаров. Таких мест в отдалении от Москвы много. Сюда частенько наведывается молодежь, эти ищут адреналин, но я бы на их месте не особенно шастал по здешним развалинам, только ноги переломать...

— Ты прямо гид какой-то, уверен, что мне все это нужно знать? — буркнул Павел, но Ворков не захотел услышать презрение и сарказм в голосе своего пленника.

— Это да, у меня неплохо получается. Знание никогда не бывает лишним, даже если оно кажется сейчас маловажным. Так что обращайся. А сейчас нам туда, вниз, к вон той будке, где упала секция забора...

И вправду, — думал Павел вяло, осторожно спускаясь по скользкому склону, — вообще похоже на военный завод, двойной забор, колючка, охрана такая. Может, тут клепали ракеты, но в период перестройки и общей разрухи все рассыпалось?

— Мебель тут делали! — хохотнул внезапно карлик, наподдав Павлу под зад. — А охрана — чтобы не растащили.

Павел оскорблено отряхнул брюки и пошел быстрее.

Спустившись, Ворков повернул и пошел вдоль забора к провалу, зачем-то ведя пальцами по

шероховатым серым секциям. Он словно проверял, вправду ли они существуют, будто слепец, не уверенный в том, что он чувствует верно.

— Антуан, — позвал Кранц, остановившись, — какого черта мы через грязь лезли, когда с другой стороны подъезд есть...

В этот момент карлик коротко вскрикнул и, видимо поскользнувшись, кубарем покатился вниз, остановившись лишь у самых ног Павла. Тот лишь равнодушно отступил в сторону, а Ворков внезапно кинулся обратно с выражением тревоги на лице. Одарив Кранца гневным взглядом, он помог карлику встать.

— Все в порядке? — заботливо спросил он, отряхивая налипшую на плечи маленького человечка грязь.

— Видел чернуху какую-то, не понял что, — через силу выговорил карлик, с трудом сглатывая и принялся размазывать по лицу землю. — Ничего не понял, впервые в жизни. Будет смерть, Антуан, все меняется...

— Он? — Ворков уставился на Кранца с хищной заинтересованностью, и Павел отступил еще на шаг назад.

— Или его... — карлик отстранился. — Или меня. Тебя. Какая разница? Ничего не понял!

Он передернул плечами и внезапно набросился на Воркова:

— Ты вот меня зачем с собой потащил сюда, а? Лев тебе надоел что ли?! Сбрэндил?

— Спокойнее, — Ворков присел на корточки и закурил. — Я не вмешиваюсь, успокойся. Лев попросил — я сделал. Дальше дело не мое.

— То-то и оно! Даже не думай! Просит Черненко — лучше сделать, иначе растопчет.

Ворков многозначительно посмотрел на Павла:

— Видал, какая падла среди нас живет, я только понять не могу, откуда страх такой берется? Пользы от Черненко для всех нас куда меньше, чем вреда, так почему тогда...

— Молчи, кретин! — взвизгнул карлик и с силой ударил Воркова по голове кулаком.

— Ой-ой-ой, напугал, — проворчал Антуан.

— Может, если мы все возьмемся, ну, Горден, Белла, вы, мы бы поставили Черненко на место? — неуверенно спросил Павел, ощутив прилив надежды. Ворков сам не рад, что помогает Льву, так может...

— Нет, — резко сказал карлик и вразвалочку засеменил к дырке в заборе. Ворков встал и пожал плечами. Мол, раз Пророк сказал «нет», так что тут поделаешь.

— Бесхребетные вы какие-то, — вздохнул Павел.

— Пока не понимаешь, каков будет результат, лучше не делать. Вдруг ошибешься.

— Кто ничего не делает, тот никогда не ошибается, — Кранц сплюнул на землю и пошел за

карликом. — Можешь принять это как руководство к действию. И не благодари.

— Ну и гонор у мальчишки, — хохотнул Ворков, но так, как он говорил это сама себе, Павел ничего добавлять не стал.

Прошел следом за карликом на территорию завода, и свернул к выломанным воротам. Ворков поравнялся с ним, но молчал.

Обойдя кучу переломанных, сгнивших досок, они вошли в какой-то цех. Это был просторный, ни чем не разгороженный гараж с ямами для ремонта транспорта и высокими окнами. Широкие квадратные колонны подпирали потолок, на стенах виднелись следы пожара, красовались безвкусные рисунки и надписи.

— Нам туда, — Ворков указал на лестницу в дальнем конце гаража, которая уходила наверх.

— Антуан, сделай мне одолжение, — Павел замялся, застыв на месте.

— Ну?

— Просто убей меня здесь, я не хочу с ним встречаться. Не хочу...

— Стать зеркалом? — Ворков заулыбался. — Наконец испугался?

— Сделаешь? — увереннее переспросил Кранц.

— Нет, и знаешь почему? — Антуан придвинул к Павлу свое лицо. — Была при смене советской власти такая поучительная история. Осудили преступников на смерть, а один из них взял и покончил с собой в камере. Зато другие сидели тихо и дожидались кары. А тут амнистия, так они вместо смерти по десять лет получили.

— А мораль сей сказки такова, видимо, что в нашем мире убийцы, насильники и уроды могут быть безнаказанными, как и этот ваш Черненко? — хрипло выдал Кранц.

— Не совсем. Мораль в моем понимании такова: никто не знает, что будет через секунду. Может, Черненко убьет тебя...

И, словно в подтверждение этих слов карлик внезапно цепко схватил Павла за рукав куртки и потащил за колонну.

— ... но первым будешь не ты! — свистящим шепотом проговорил он.

Ворков торопливо шагнул к ним, положив Кранцу на плечо руку, и от этого у Павла перед глазами все поплыло, а виски сдавила боль.

И в тот же момент в гараж стали вбегать люди. В черных масках и бронежилетах, с воронеными стволами в руках. Один за другим, поводя дулами, они проходили мимо, не замечая троих застывших людей. Штурмовики скользили по ним взглядами, но словно видели сквозь, словно на их месте была пустота. Бесшумно и стремительно, они перебежали к лестнице и стали подниматься наверх.

— Помогите! — хотел крикнуть Павел, но вместо этого лишь захрипел. Один из бойцов замер, а потом неуверенно шагнул к ним. Черное дуло уставилось именно туда, куда надо — в грудь Павлу.

Теперь закрыть глаза и еще один звук. И конец.

Но Ворков успел вперед. Он поднял руку, и Павел готов был поклясться, что из его ладони вышел худой, почти прозрачный силуэт. Словно бы Антуан заставил двигаться свою еще блеклую в свете угасающего дня тень.

Штурмовик проводил призрака бессмысленным взглядом и побежал к лестнице догонять свою группу.

— Ну и ну, — присвистнул карлик, отпуская рукав Павла. — Вот кто действительно ничего не боится, так это люди. Вся их беда в незнании. Пытаются, пытаются, уж бы поучились на собственных ошибках!

— Я слышал, Черненко какое-то дело крупно развернул в Канаде, сдаётся мне, его бывшие компаньоны обижены, и мне бы не мешало, — Ворков вздохнул и сунул Павлу сигарету. — Теперь придется подождать, Лев будет занят в ближайшее время.

— Их так много, — засмеялся Павел.

— Эти Льва разве что позабавят, — Антуан выпустил в воздух плотное облачко дыма. Думать надо, если большой человек ходит один, отказывается от охраны, значит, у него в рукаве есть козырь. А люди все думают: легкая добыча.

— Черненко много раз пытались убить, — подхватил карлик.

Несколькими этажами выше сухо треснул выстрел, раздался приглушенный крик. Пауза. Тишина.

Убили? — с надеждой подумал Павел и тут несколько автоматов грянули разом, но звук этот таил в себе настоящий ужас.

Неужели это так остро ощущается? — подумал Кранц. — Ведь вроде автомат всегда стреляет одинаково, удар по капсуле, хлопок, но сейчас он слышит нервозность, истерику.

— Что же вы не бежите спасать своего другана? — язвительно уточнил Павел.

— А нужна ему эта помощь? — скривился Ворков. — Захотел бы — попросил.

— Видимо, у вас не принято помогать задаром, — Кранц отвернулся, испытывая отвращение. Ему ужасно хотелось, чтобы все, наконец, закончилось. Надоело бегать, оттягивать момент смертельной встречи.

— У нас не принято лезь без спросу в чужое дело, — резко откликнулся карлик.

— Ну-ну, — миролюбиво вклинился Ворков. — К чему раздражение? Если кто-то сам хочет решать свои проблемы, какое право мы имеем лишать его возможности испытать свои силы, отточить знания и умения? Это было бы не этично.

— Вы сумасшедшие, — недоверчиво глядя на Воркова, подвел итог Павел.

— Ты тоже, если отказался от подарка Гордена, — усмехнулся Антуан. — Ведь отказался же. Не знаю, что ты сделал и как с этим управляешься, знать не хочу... пока... что вы там придумали с крестным, но меня тебе не обмануть. То, что я вижу — не Зеркало.

— Ребят, только что с десятков вооруженных мужиков пробежали наверх, а вы тут о какой-то этике бормочите! — воскликнул Павел.

— Ты не понимаешь, — карлик покачал головой. — Если ты знаешь, что будет, у тебя есть выбор: отступить, уйти, увильнуть или принять вызов. Если не уверен в своих силах — уходишь, если хочешь попытать счастье — идешь вперед. Вот и весь секрет.

— Невозможно знать будущее! — Павел покосился на карлика.

— Наверняка — нельзя, — согласился Ворков. — Даже наш пророк дает регулярно сбои. Мозаика зачастую не складывается в картину, от этого приходится гадать на кофейной гуще и трусах прабабушки. Но вероятность тех или иных событий определить может любой. Говорить об этом можно бесконечно, Кранц, но все сказанное между нами останется словами. Смысл обретается лишь в действии. Поверь мне на слово: Лев знал, что его сегодня попытаются убить. И не ушел.

Он знает, что ты доедешь до места. Он знает, что ты представляешь определенную угрозу для него, но считает ее незначительной.

Ладно, пойдем, наверху уже все закончилось...

И вправду, в здании вновь царила полная тишина.

— Нам на третий этаж, — крикнул Ворков, торопливо взбегая по ступеням.

— А если они там и расстреляют вас? — замялся Павел.

— С тем, как ты все ближе к итогу, не нужно искать лишних поводов, — загадочно сказал карлик и поманил его за собой. — Но вот что тебе скажу, Кранц, не падай там наверху в обморок, это не сделает тебе чести. Надо полагать, зрелище это будет не для слабонервных, но ты уж постарайся.

Павел преодолел последние ступени и замер. Большое помещение, коричневые колонны. На полу обломки, мусор, куски бетона, пластик, арматура, осколки. У самого входа лежала огромная бухта ржавого кабеля. В дальнем конце помещения у запыленного, почти непрозрачного окна стоял стул, на котором безвольно сидел какой-то человек. Он казался куклой, мешком, из которого долго выбивали пыль. Рядом со стулом спиной к лестнице стоял мужчина в сером скромном плаще.

А еще повсюду на полу лежали тела. У самых ног Павла в луже черной крови лежала отрубленная кисть руки и Кранцу чудилась, мизинец на ней дергается, скребет пыльный бетон. Зажмурившись, он вдохнул, но в ноздри ударил запах пыли и тяжелой, сладковатый дух крови. Ему показалось, этот запах коснулся даже языка, словно бы Павел лизнул кровь. Его затошнило. Желудок сдавило, и рот наполнился слюной.

Это не сделает мне чести, — твердил он сам себе. — Ну же, нужно взять себя в руки. Подумаешь, кусок мяса. Ты же ешь мясо, свинину, говядину. Это тоже самое, куриная ножка, тушка бройлера, вырезка. Всего лишь отрезанный кусок мяса. Отрезанный от человека!

Звякнуло стекло, звук пролетел по всему этажу, заставив Павла открыть глаза. Ворков со скучающим видом отошел от лестницы, пнул пустую пивную бутылку, и она с оглушительным звуком откатилась в сторону.

— Павел Кранц, ну так, — звучно сказал человек у окна и повернулся. В левой руке он держал палку, в правой — тонкое лезвие длиной в локоть. Черненко медленно вытер сталь о плечо сидящего на стуле человека, а потом убрал внутрь палки, оказавшейся тростью с золотой головой льва на рукояти.

— Вижу, — перешагивая через неподвижные тела и подходя ближе, начал Черненко, — Горден исхитрился обмануть меня. И эта дрянь Белла ему помогла. Некрасивый ход с их стороны, больше мне и сказать нечего. Горден заказал тебе Зеркало. Оно готово, Кранц? В этот раз оно вышло неудачно, ты очень его не хотел, видимо.

Сколько от тебя мороки, Кранц, сколько вреда! Вот и Ким за тебя отдувался, встреча с Чертовой Сворой ни для кого не проходит безболезненно. Иди уже сюда, Кранц, что ты там стоишь? Боишься этих? Они не мертвецы, я не убиваю пешек. К чему? Они ни чем не провинились. Наоборот, они достойны уважения, ведь идут и делают то, что им велено.

А одна отрубленная рука не в счет, я немного разошелся. Это мой промах, осознаю. Каюсь.

Павел сглотнул тяжелый ком. Плечо пронзила острая боль, словно его кто-то похлопал по руке. Из-за спины почудился легкий скребущий звук, но, оглянувшись, Павел заметил лишь кончик белого хвоста, мелькнувшего на лестнице. Какой-то бездомный кот, вспугнутый выстрелами, наконец, решился и помчался прочь. Вот бы и ему, Павлу, сбежать...

— Иди уже, — карлик толкнул Павла в бедро, но тот лишь отшатнулся в испуге, потому что рука этого маленького человечка показалась ему обжигающе горячей. Карлик нахмурился и быстро вытер выступивший на лбу пот.

Кранц вздохнул и, обходя бесчувственные тела, подошел к сидящему на стуле человеку, стараясь не смотреть в бескровное лицо, не желая узнавать в этом истерзанном человеке приветливого Кима, решившегося спасти их с Горденом от зловещих, умеющих бегать по воде тварей.

Левая половина лица Кима превратилась в запекшуюся кровью маску, скула была рассечена и в ране проглядывала желтоватая кость. Все его одежда была изодрана, в прорехи проглядывали бурые раны, волосы слиплись, а руки покрывали глубокие порезы и отметины от укусов.

— Что ты сделал с ним? — не глядя на Черненко, хрипло спросил Павел. Он внезапно устыдился собственного страха. Он убежал, а в это время Лев Черненко пытал совершенно чужого и малознакомого Павлу Кима, который пожертвовал собой ради его спасения.

— Я спас ему жизнь, — отозвался Черненко и Кранц взглянул на него. Невысокий мужчина с большой лысиной, лицо спокойное, невыразительное. Он был самым обычным, этот ужасный Лев Черненко. В нем не было ни угрозы, ни величия. Черненко смотрел прямо и беззлобно.

Встретив такого человека на улице, Павел решил бы, что видит рядового служащего, проектировщика, преподавателя, да кого угодно, только не представляющего опасность Льва Черненко, переполненного алчными планами.

— Очень уважаю Кима, — продолжал тем временем Лев, — и с этих пор уважаю еще больше. Он хотя и сглупил, но надо быть настоящим храбрецом, чтобы выйти против Своры один на один. Да они разорвали бы его на части! Я чудом подоспел вовремя. Впрочем, мы ушли от темы, ты у нас новичок и с Кимом знаком посредственно, что я тебе толкую?

Давай о нашем деле. Надеюсь, ты понимаешь, что к тебе конкретно я равнодушен. Ты был мне нужен, пока представлял пользу, теперь ты бесполезен. Ничего личного. Ты мне просто не выгоден, вот и все. Настанет такой момент, когда тебе понадобится новое зеркало, а я из-за твоих выходов и так уже потерял два.

Внезапно карлик подошел к Черненко и, заставив его нагнуться, прошептал:

— Здесь Горден.

— Элизабет? — резко уточнил Лев.

— С ним.

— Вот, стерва! — Черненко раздраженно отстучал тростью по ноге, прошелся вдоль окна, пытаясь, видимо, принять решение. Или просчитывая те самые вероятности, о которых говорил Ворков.

— Опять развернется трагедия! Ненавижу скандалы. Она всегда была мною недовольна.

Он встал, широко расставив ноги, что-то громко крикнул на незнакомом языке. Эхо, наполнившее этаж, заметалось и Павлу почудилось, он слышит множество голосов, повторяющих за Черненко его слова. Вокруг внезапно стало темно, словно кто-то выключил свет, а потом мрак разом сгустился, сконцентрировался в плотных, черных зверей. Псы с янтарными, ничего не выражающими глазами, сидели у ног хозяина, ожидая приказа. Внизу на лестнице раздались шаги.

— Их нельзя уничтожить, — сказал Черненко негромко, обращаясь к Кранцу. — А, значит, рано или поздно они уничтожат вас. Прощай, Кранц, так уж сложилось...

Понимая, что сейчас должно произойти, Павел бросился бежать, перепрыгивая через тела, которые больше его не пугали. Были проблемы и пострашнее.

На лестнице показался Горден, Павел с разбегу налетел на него и завопил:

— Бежим!

За спиной раздался короткий, хриловатый рык.

Горден толкнул крестника вниз, и он непременно упал бы, если бы не сильные руки Элизабет.

— Они убьют нас! У Льва Ким...

— Спокойнее, — Белла приветливо улыбнулась Кранцу, и эта улыбка сотворила чудо. Никакие слова не смогли бы привезти Павла в чувства, а эта мимолетная улыбка на ее губах отрезвила.

— Просто предположи, что смерть — это дверь в непознанное, — посоветовала женщина ласково. — Разве важно время, когда нам представится шанс узнать, что за ней?

— Я бы пока не торопился, — буркнул Кранц, выдыхая. — Мне и тут пока нормально.

Павел заторможено принялся охлопывать себя по карманам, и Белла услужливо сунула ему в ладонь пачку сигарет. Словно бы за спиной у них ничего не происходило. Словно бы Горден не шагнул навстречу чудовищам, как сделал это совсем недавно Ким. Сев на ступеньку, Павел закурил.

Все, что произойдет дальше, его уже не касается и от него не зависит. Чертова свора должна была убить только его, но Горден зачем-то пришел его спасать. Наверное, так поступает любой родитель, независимо от чувства долга. Это что-то другое.

Псы медлили, скаля белые, острые зубы. Сидя в пол-оборота, Павел видел, как Горден молча прошел и наклонился над Кимом, как Белла распрямилась и встала напротив Черненко, оперев руки в бока.

— Нашел другие миры, бывший муженек? — мило спросила она.

— Есть парочка, — Черненко с любопытством разглядывал Элизабет.

— Только прохода нет, но тебе же все нейдет!

— Ой, — Черненко поморщился и отвернулся. — Здравствуй, Горден, давненько не пересекались. Лапы не жалко, я ведь отдавить могу? Случайно...

— Ничего, переживу.

— Ты зачем, Горден, воду мутишь, зачем материала напортил?! Ни себе, ни людям. Ты же не думаешь, что я оставлю парня живым?..

— Если ты говоришь о том, о чем я подумал, то Кранцу я Зеркала не заказывал, — выпрямившись, пожал плечами крестный. Павел лишь вздрогнул всем телом. Странная складывалась ситуация. Черный Лев один против Гордена и Беллы. Ворков и карлик вмешиваться не будут, из настроения и случайных слов Антуана Павел это прекрасно понимал.

— Ах, вот как, ну тогда видимо это Сиковски? Скандала не избежать, да, не избежать. Что-то он новенькое придумал. Я вижу Кранца и вижу себя, это не как с обычным Зеркалом. Как ты убедил Сиковски взять его под свою протекцию?

— Думай как хочешь, — Горден покачал головой.

— Ладно, забирай Кима и уходите, у меня из-за вашего помешательства дел невпроворот.

В помещении становилось все темнее, и Кранц уже не видел лиц, только серые силуэты. Уголек на конце сигареты казался необычайно ярким.

— Погоди, Лев, дай мне поразглагольствоваться, — засмеялся крестный. — Думаешь, все просто так? Да ведь мы выиграли Кранцу время. Эй, Павел, ты же не хотел сдохнуть пару дней назад?

— Я не хотел стать Зеркалом, — отчетливо ответил Павел. — Про смерть никто ничего не говорил...

— Ну, теперь скажем, — Черненко резко повернулся. — Взять!

Несколько псов разом сорвались с места и кинулись к лестнице, но от ног Гордена, словно воспламененный бензин, вытекла огненная волна, завывало, загудело пламя, поднялось бешеным шквалом, охватив показавшиеся тщедушными силуэты, наполнило этаж неровными, мечущимися тенями.

— Не надо было лезть не в свое дело! — перекрывая гул, крикнул Черненко. — Взять обоих!

И тут псы стали выпрыгивать из огня, не способного причинить им вред. Невредимые, оскалившиеся в сатанинской улыбки демоны из другого мира.

Один из псов прыгнул на Гордена, но тут же, охваченный белой сеткой магниевых искр рухнул ему под ноги.

Разинув рот, Павел глядел на это сумасшествие. Право же, до сего момента все происходящее казалось дурным сном, теперь же он попал в фантастический экшен.

Сраженный пес, дергавшийся на полу, внезапно вскочил, помотал головой и взревел, как разъяренный бык.

— Твою мать! — ругнулся Горден, отступая к Павлу. Элизабет, так же как и Ворков с карликом, оказались вне круга происходящего. — Как вас убивать-то?!

Огонь опал, оставшись в воздухе легким, оранжевым свечением. Выстроившись полукольцом, черные звери наступали. Горден оглянулся, слабо улыбнувшись, но его улыбка не давала надежды.

И тут все произошло разом. Ким внезапно поднялся со своего стула и громко крикнул:

— Горден, это не призраки, это тени!

Лев, схватив Кима за локоть, толкнул его в оконный проем; Горден, забыв о крестнике, скакнул следом, преодолевая одним невероятным прыжком разделявшее их расстояние. Ким взмахнул руками, попытавшись удержать равновесие и, разбив стекло, оказавшееся необычайно хрупким, со звоном исчез в темноте, потянув за собой Гордена.

Подняв трубой белый пушистый хвост, через этаж стрелой метнулась ангорская кошка. Вокруг все вспыхнуло мертвым белым светом. Истончились тени, Павел крепко накрепко зажмурился, заслоняясь локтем, но сознание поплыло, он вроде отключился на мгновение, откинулся на спину, больно ударившись затылком о ступеньку. Хорошо, как говорится, что сидел, а не стоял.

Вскочил и, не оглядываясь, бросился вниз. Уже вбегая в гараж, внезапно понял, что на улице наступил день и приветливые солнечные лучи врываются в разоренные ворота.

Так он и замер у выхода, как громом пораженный. На асфальте у стены цеха лежали в луже крови Ким и Горден. Было сложно сказать, чья это кровь, утреннее солнце нежно гладило их застывшие, белые лица и от этого жуткого зрелища Павла передернуло. Кранц медленно подошел, неуверенно, ощущая в груди пустоту. Ни боли, ни отчаяния. Он все еще не верил. Сел на корточки и взял крестного за руку. Горден лежал снизу, приняв весь страшный удар на себя, но и Ким не подавал признаков жизни.

Только обрета, потерял, — мелькнула мысль.

Он поднял голову и посмотрел в черный провал окна, из которого выпали двое погибших. Высоко, никто бы не выжил.

Рука крестного была очень горячей. Павел неуверенно вдавил пальцы, под кожей едва ощутима билась жилка. Жив!

— Возьми!

Кранц дернулся, бессмысленно глядя на привставшего на локтях Кима. Совершенно живой, в ссадинах и ранах, тот протягивал ему маленькое квадратное зеркало.

— Возьми его, Кранц, — Ким потряс зеркалом перед самым носом Павла. — Сейчас это твой единственный шанс. Будешь первопроходцем, — он закашлялся, оттолкнулся, переворачиваясь на спину, и задышал тяжело.

— Я нашел двойника, — не выпуская руки крестного, Павел придвинулся к Киму.

— Ты сделал то, что не смог я, малыш, — Ким скривился. — Выживи, я тебя прошу. У тебя есть на это все шансы. Когда Лев попытается тебя убить, загляни в зеркало и пусть отражение встанет между вами.

— Это возможно? — уточнил Павел.

— Теоретически.

— Ах, теоретически, ну тогда я спокоен. Вот только собачки эти...

— Нет их, Горден все сделал верно. Это тени, тени сгущаются лишь ночью. Прикосновение яркого солнца делает их ничем. Если они появятся, просто пни шавок на свет, и они подохнут!

— Горден, — Павел осторожно потряс крестного за плечо.

— Сам, Кранц, сам, оставь его. Горден жив, но сейчас бесполезен. Или он разобьет зеркало, а я ему этого не позволю. Даже ради тебя, понял.

— Я и не прошу, — Кранц неохотно поднялся, сжимая в руке зеркало. Обычное зеркало, в каких запечатлеваются припудренные носики и накрашенные глазки.

То же мне, супероружие, — саркастично подумал Павел.

— Павел, Лев может причинить вред Белле, — Ким не приказывал, он умолял и Кранц снова взглянул на темный проем.

Ладно, ладно, иду, — сказал он сам себе.

— Была ночь, а теперь день и я видел белую кошку...

— Кранц, Белла там одна!

— Иду, — согласился он и медленно пошел обратно. Уже с лестницы были слышны разгоряченные крики, он старался не вслушиваться в них и не понимать слов. Но когда Павел поднялся наверх, это стало невозможным.

— Ты никогда не считалась со мной, ты стерва, Белла, признай! — вопил Лев охрипшим от ярости голосом. — Хоть раз ты поддержала мои собственные идеи, хоть раз поставила мои желания выше своих?!

— У тебя родилась дочь, поганец, а ты продолжал думать только о себе, — в ответ кричала Белла. — А когда я тебе сказала, что ты плохой отец?! Что ты сделал?! Оказался плохим мужем, вот что! Ты чуть не убил меня на глазах у дочери!

— Чего ругаетесь? — негромко спросил Павел, подходя к раскрасневшейся Элизабет. — Это все

дела давно минувшие, а вы еще не наругались? Как звери стали, уймитесь уже...

Белла развернулась и залепила Павлу такую пощечину, что у него зазвенело в голове. Черненко остервенело захохотал.

— Попал под горячую руку, Кранц! Видал?! Хороша бестия! Ненавижу ее, за то и полюбил!

— Да плевать мне на тебя, Лев, я пришел сюда за ней приглядеть, чтобы ты женщину не обидел, — не пошевелившись, отозвался Павел. Он даже не дотронулся до горящей огнем щеки.

— Ишь, какой предусмотрительный у нас храбрец нашелся, — усмехнулся Лев. Белла отвернулась.

— Иди, проветришь, женщина, — велел Павел. Пожалуй, ради этой фразы стоило умереть.

Вот ведь какая глупость лезет в голову, — тут же ругнулся про себя Кранц.

— Хватит, надоели! — рявкнул Черный Лев и, выдернув из трости лезвие, шагнул вперед.

— Не делай этого! — истерично завизжал карлик, но опоздал. По широкой дуге лезвие полетело к голове Кранца, медленно чертя в воздухе полупрозрачный след. Павел, чувствуя, как невероятно растянулось время, поднял руку с зеркалом, взглянув на свое бледное, совершенно спокойное, словно упокоенное отражение, а потом будто гранату швырнул его под ноги Льву. Павлу показалось, что его толкнули в грудь, и послушно отступил. Лезвие коснулось лба и Павел закрыл глаза, понимая, что через мгновение умрет, но сталь, сухо треснув, сломалась.

Кранцу показалось, что этажом ниже кто-то кинул в окно камень и теперь он слышит, как осыпаются осколки.

Возникший перед Кранцем силуэт, на который обрушился удар, развалился, осыпав пол мутными сероватыми кристаллами.

Черненко застыл с обломанным лезвием в руках, из его носа скатилась на губы темная струйка, спина сгорбилась. Он вытер кровь и сумасшедшими глазами посмотрел на ладонь.

Белла залилась хохотом, развернулась и стремительно побежала вниз по лестнице.

— А я предупреждал, — карлик подошел к Черненко и взял его за ладонь. — Ты хотел убить его, а убил себя...

— Но как, как это возможно? — пролепетал Лев, так и не отрываясь от окровавленной ладони.

— Пойдем, — потянул карлик Черненко к лестнице и повел прочь, негромко приговаривая:

— Я же тебя предупреждал, что тут не все чисто. Что осторожнее надо, а ты все знай за свое...

— Эй, Кранц, покурим? — из-за колонны выступил Ворков, о котором Павел и вовсе забыл.

— Покурим...

— Как у тебя вышло это, отразить атаку Льва? — глубоко затянувшись, спросил Ворков.

— А ты знаешь, кто время для меня растянул? — вопросом на вопрос ответил Павел.

— А какая разница? — Антуан многозначительно скосил глаза. — Не я, я же обещал не вмешиваться. Белла наверное, она хорошую затрепину тебе вlepила, отпечаток свой оставила...

— Ничего я в ваших магических штучках не понимаю, — Павел нагнулся и пощупал пульс у неподвижного штурмовика, того самого, которому отрезали руку. Человек был жив, но пульс едва прослушивался.

— Ой ты, добренький? — Ворков поднял отрубленную конечность и, присев, приложил ее к обрубку. — Тут уже столько всего произошло, дай что ли и я поучаствую.

— Она ночь пролежала, вся посинела, думаешь, если ее пришить...

Павел замолчал. Антуан убрал руку и для проверки подергал штурмовика за мизинец. Кисть была на месте, приросшая к телу, совершенно новехоньякая.

— Ну? — довольно спросил Ворков.

— Уважаю, — покачал головой Павел.

— Ну и славно. Только, чует мое сердце, скоро не я — ты станешь новым гуру. Он не хотел убивать, но и сам не хотел умирать, потому нашел способ создать Зеркало из ничего. Всего лишь отражение. Теперь я понимаю, почему Сиковски ввязался во все это темное дельце — устал старик. Хочет, чтобы поток заказов на зеркала иссяк. И каков результат!

— Да пошел ты! — не сдержался Павел, затоптал недокурную сигарету и, не оглядываясь, пошел прочь.

Эпилог. Еще парочка потрясений

— У ворот его встречала улыбчивая компания.

— Что, нехристь? — сварливо спросила старуха кошатница. — Устал поди, шей моих не хочешь?

Белла укоризненно посмотрела на старушку и покачала головой:

— Мама, тебе надо было мне все рассказать.

С другой стороны от Элизабет, держась за ее руку, стояла девочка лет девяти с длинными белыми косами.

— Не ожидал от вас, Антонина Петровна, подобной подлости, — крикнул отошедший в сторону Черненко. Карлик все пытался увести его куда-то, но Лев упирался, потрясая кулаком.

— А нечего дочку мою было обижать! — добродушно засмеялась старуха.

— А это я все придумала! — с вызовом сказала девочка. — Слышал, папа, я! Маму не дам в обиду, никому не дам, даже тебе!

— Во я понаделал, — проворчал Черненко, отворачиваясь.

— Кровь от крови, — Белла нежно потрепала дочку по голове.

Девочка отстранилась от матери и подошла к Кранцу:

— Вы простите меня, Павел, это ведь я в вас стреляла в том парке. Из пистолета. Я правда ничего плохого не хотела, но так бы вы не узнали, где бабка живет. А это было важно...

Кранц ничего не сказал, по большой дуге обошел всю эту компанию, покосился на место, где лежал мертвый Горден, но там осталась только лужа крови, прошел вдоль цеха и выбрался через пролом. Через час он уже ловил на шоссе попутку до Москвы.

Теплый июньский вечер спустился на утомленный жарой, запыленный город. Легкие белые облака висели над горизонтом, не обещая приносящего свежесть дождя. Но тут проехала поливальная машина, прибила пыль, наполнив воздух странным, бывающим только летом запахом разогретого асфальта.

На скамейке у института, сидел, развалившись, Павел Кранц. Он медленно потягивал пиво из запотевшей бутылки и задумчиво мял сигарету.

Вышел на крыльцо программист Николай, завидев приятеля, сбежал по ступеням. Взял в руки и отложил в сторону томик стихов Цветаевой.

— Бабские стихи читаешь? — надменно уточнил он.

— Поэзия, есть поэзия, равно как женская, так и мужская требует нашего внимания, — отозвался Павел. — Впрочем, ведь белиберда это, вот комиксы — другое дело, — он хитро взглянул на приятеля и тому стало от чего-то не по себе. Николай засуетился, достал сигарету и закурил.

Павел внезапно тяжело вздохнул, быстро коснувшись левого плеча.

— Что такое? — уточнил программист.

— Завтра град будет, с самого утра, — ответил Павел.

— Да ладно, кто тебе такую чушь сказал. По прогнозам на две недели вперед жара и ни единой капли. Скоро в фонтанах купаться будем. Слушай, а чего ты так рано закончил? Я смотрю, ты в последнее время сачкуешь, или работы поубавилось?

— Да нет, сейчас самый разгар, — покачал головой Кранц, но я, — представь себе, все успеваю. Порой такое ощущение, что я раздваиваюсь.

Павел поднялся, взяв томик стихов.

— Ладно, Коля, смотри, не переработай, а я пойду. У меня сегодня встреча с крестным.

Глядя Павлу в след, Николай невольно позавидовал ему: в таком возрасте сдружиться с крестным, это тебе не шутка. А мужик, к тому же, непростой, влиятельный похоже. Вон как Павел изменился, был типичным трудоголиком, трусоватым и нервным, а теперь девчонки за ним хвостиками бегают. И работает немного, а все успевает.

Взглянув на небо, Николай оттянул влажный от пота ворот. Какой уж тут град, дождем даже не пахнет. А Павлу кто-то наверное написал программу обсчета данных, вот почему у него все так быстро. Не иначе написал. А то откуда у него столько свободного времени?

Николай засиделся на работе допоздна, из-за жары плохо спал и под утро проснулся из-за того, что звонкие кусочки льда уверенно колотили в железный карниз.

mir-knigi.org